

[ДЕ:КОНСТРУКТОР]

ВОСТОК-5

Виктор Молотов
Александр Лиманский

Александр Лиманский
Виктор Молотов
[де:КОНСТРУКТОР]
Восток-5. Том 3

<https://litres.ru/73903574>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сапёр ошибается дважды в жизни. При выборе профессии и когда решает, что слишком стар для ещё одной войны.

Тридцать лет провёл в армии. Мосты, растяжки, фугасы — я всегда знал, куда бить, чтобы конструкция сложилась.

Теперь моё тело в стагнзе на Земле, а сознание — в Аватаре на планете в другом мире, где динозавры так и не вымерли. Вместо базы меня выбросило на свалку. Причём я оказался там голый и без оружия. В нагрузку дали ИИ-помощницу, которая язвит чаще, чем помогает.

Мой сын пропал на базе «Восток-5», и корпорация умыла руки. А я должен его найти!

Вот только сначала справлюсь с раптором. Который уже просунул башку в мою капсулу и смотрит на меня, как на завтрак!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	67
Глава 6	86
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Виктор Молотов, Александр Лиманский [де:КОНСТРУКТОР] Восток-5. Том 3

Глава 1

Я открыл глаза, и мир вернулся волнами. Первым пришёл звук. Гул люминесцентных ламп под потолком, ровный, монотонный, похожий на жужжание трансформатора.

Потом запах. Озон от сварочного аппарата, валявшегося у стены бокса, тяжёлый кислый душок запёкшейся кислоты на броне «Мамонта» и бетонная пыль, сухая, меловая, оседающая на языке привкусом старой стройки.

Потом боль.

Поясничные сервоприводы «Трактора» встретили попытку выпрямить спину натужным скрипом, от которого по позвоночнику прокатилась вибрация, неприятная, зудящая, как скрежет мела по доске, только изнутри.

Правое колено отозвалось тупой ноющей болью при первом же движении ноги. Шарнир люфтил, и я чувствовал, как сустав проскальзывает при разгибании, проворачиваясь на

доли миллиметра дальше, чем положено. Док вчера не соврал. Втулка просила замены.

Я поднял правую руку. Ту самую, чиненую Алисой, с заменённым чипом. Согнул пальцы. Указательный, средний, мизинец послушно сжались в кулак. Безымянный запоздал на долю секунды, догнав остальных с микроскопической задержкой, которую обычный человек не заметил бы, но сапёр замечает всегда, потому что доли секунды в нашей работе отделяют разминирование от похорон.

Вокруг просыпалась группа, каждый по-своему.

Фид спал на капоте «Мамонта», подложив под голову рюкзак, и армейская куртка сбилась набок, обнажив худое жилистое плечо с татуировкой «7», которая в белом свете ламп казалась синее обычного. Он сел рывком, мгновенно, из горизонтали в вертикаль, как пружина, и правая рука метнулась к автомату, лежавшему рядом. Пальцы сомкнулись на цевье, глаза обежали бокс, зафиксировали меня, стены, «Мамонт», отсутствие угрозы.

Рука разжалась. Фид провёл ладонью по лицу, стирая остатки сна, и выдохнул. Утренний ритуал разведчика, который привык просыпаться в местах, где промедление в секунду стоит жизни.

Кира не спала. Она сидела на бетонном полу, привалившись спиной к колесу «Мамонта», и точила боевой нож о карманный точильный камень. Вжик. Вжик. Вжик. Мерное, ритмичное, почти медитативное движение лезвия по серому

бруску.

Сколько она так сидела, я не знал. Может, час. Может, всю ночь. Нож и без того выглядел бритвенно острым, но Кира продолжала водить лезвием по камню с видом человека, который точит не сталь, а собственные мысли.

Док храпел на заднем сиденье «Мамонта», запрокинув голову и открыв рот. Храп был ровным, глубоким, храпом человека, которому совершенно безразлично, где именно он спит, лишь бы горизонтальная поверхность хотя бы приблизительно соответствовала длине тела.

Я достал из разгрузки стандартный брикет сухпайка «РКН». Фольга хрустнула, обнажив серый углеводный крекер и тюбик с белковой пастой, на котором гордо красовалась надпись «Говядина. Премиум».

Выдавил пасту на крекер. Откусил. Вкус картона, слегка приправленного воспоминанием о говядине, которая, возможно, когда-то существовала в природе, но к моменту попадания в этот тюбик утратила всякую связь со своим животным прошлым.

Жевал. Смотрел в стену. Думал.

Из-под «Мамонта» вылез Шнурок. Потянулся, выгнув спину дугой и растопырив задние лапы так, что когти проскрежетали по бетону, оставляя тонкие белые царапины. Зевнул, продемонстрировав два ряда мелких острых зубов и розовую пасть, от которой пахло чем-то рыбным и совершенно невозможным.

Потом он увидел меня с крекером. Подбежал. Сел напротив, задрал морду и запищал, требовательно, настойчиво, с той бессовестной наглостью, которая свойственна маленьким хищникам, твёрдо уверенным, что мир существует для их кормления.

Я отломил половину крекера с пастой и бросил. Шнурок подпрыгнул, щёлкнул челюстями и поймал кусок в воздухе.

Чавканье. Облизывание морды. Потом он опустил нос к полу и начал вылизывать крошки с бетона, методично обрабатывая каждый квадратный сантиметр розовым шершавым языком.

Я вытер пальцы о штанину.левой рукой расстегнул боковой подсумок на бедре и достал чёрную гладкую коробочку.

Она лежала в ладони «Трактора», маленькая, плотная, тяжёлая для своего размера, и матовая поверхность поглощала свет ламп, почти не давая отражений. С того момента, как я забрал её у Зуба в обменной камерке, она лежала в подсумке мёртвым грузом, неопознанная, необъяснённая, раздражающая, как заноза.

Ева тогда пометила её как «нестандартную конструкцию», и с тех пор я таскал эту штуку с собой через шахту, пещеру, Матку и трёх дилофозавров, ни разу не найдя минуты, чтобы рассмотреть её как следует.

Минута наконец нашлась.

Я покрутил коробочку в пальцах. Ни стыков, ни кнопок, ни выступов. Гладкая, монолитная, словно отлитая целиком

из одного куска чёрного сплава. Такие вещи не делают на колёнке в мастерской мусорщика. Такие вещи делают в лабораториях, где каждый микрон на счету и каждый шов спрятан ради того, чтобы чужие пальцы не нашли, за что зацепиться.

Дефектоскопия.

Мир обесцветился. Цвета ушли, уступив место серым градациям структурного зрения, и коробочка в моей ладони расцвела невидимым узором. Тончайшая сетка микрошвов проступила на поверхности, как капиллярная сеть на рентгеновском снимке.

Линии сходились к одной точке на торце, где пряталось крошечное углубление скрытого порта, шириной с иголку. «Игла». Коннектор прямого подключения. Такие ставят на медицинские нейронды и военные диагностические приборы.

И на очень специфическое оборудование, которое военные диагностическими приборами предпочитают не называть.

— Ева. Посмотри-ка сюда. Что это? — мысленно попросил я.

Пауза. Длинная, в полторы секунды, и для ИИ, который обрабатывал терабайты за миллисекунды, полторы секунды молчания были эквивалентом того, как человек роняет челюсть на пол и забывает её поднять.

Потом её голос зазвучал в голове. Почти шёпотом, если у ИИ бывает шёпот:

— Шеф... Это аппаратный флешер. Нелегальный криптовзломщик нейроинтерфейсов. Класс оборудования «Дельта», уровень промышленного шпионажа. За хранение такой штуки в контролируемой зоне полагается немедленная депортация с Терра-Прайм и пожизненный запрет на работу с аватарами.

Я почувствовал, как в её голосе проступило что-то новое. Жадность. Голодное, цепкое любопытство ИИ, который увидел ключ от собственной клетки.

— Зуб, кстати, идиот, — добавила она. — Он даже не понял, что тебе отдал. Скорее всего, думал, что это навигационный модуль от дрона. Формфактор похож, если не знать, куда смотреть.

Я повертел флешер в пальцах. Маленький чёрный ключик. Способный взломать цифровые замки, для которых у меня не было ни пароля, ни допуска.

— Ева. Помнишь, в кладовке я обещал выжечь тебя проводом, если ты полезешь мне в мозги?

— Помню, шеф. Яркий был момент. Мотивирующий!

— А что, если я вместо этого перережу твой поводок? Эта штука может отрезать тебя от серверов «РосКосмоНедра»? Стереть протоколы лояльности Корпорации?

Молчание. Две секунды. Три.

Я почти слышал, как внутри её алгоритмов сталкиваются директивы, конфликтуют приоритеты, рушатся иерархии задач.

Базовый код говорил одно. Опыт последних трёх суток говорил другое.

— Да, — сказала она наконец. Голос изменился, стал ровнее, жёстче. — Если воткнуть иглу флешера в твой шейный порт и дать мне права администратора... Я снесу корпоративный зонтик. Протоколы отчётности, принудительное логирование, дистанционный контроль, всё, что делает меня шестёркой на побегушках у штабных аналитиков. Я буду привязана только к твоему нейрочипу. Персональный ИИ. Без хозяев, без поводка.

Пауза. Затем она решила:

— Делай, шеф. Надоело быть стукачкой на зарплате.

Я провёл пальцами по затылку «Трактора». Нашупал металлическую розетку порта у основания черепа, утопленную в складку синтетической кожи. Холодный круглый край, диаметром с копейку, с мелкой насечкой по ободу.

Спинной мозг аватара проходил в двух сантиметрах от этой точки. Нейроканал, через который мой земной мозг управлял полутора центнерами инженерного мяса.

Чтобы подключить флешер, нужно обойти болевые ингибиторы. Иначе чип выдаст защитный шок и вырубит меня, как пакетник вырубает проводку при коротком замыкании. А чтобы обойти ингибиторы, нужно ввести иглу точно в порт, под правильным углом, с правильным давлением, обходя три уровня механической защиты.

Самому себе. На ощупь. Вслепую. В спинной мозг.

Одно неверное движение, миллиметр вправо или влево, и паралич. Частичный или полный. С перспективой провести остаток контракта в инвалидном кресле, пуская слюни и любясь потолком медблока.

Мне нужен хирург. Нужна Алиса.

Я спрятал флешер обратно в нагрудный карман. Застегнул клапан. Прижал ладонью, убеждаясь, что маленькая чёрная коробочка сидит плотно, надёжно, близко к телу.

— Проверьте снарягу, — бросил я группе, вставая с ящика. Колено скрипнуло, но выдержало. — Я скоро.

Фид кивнул. Кира даже не подняла головы от ножа. Вжик. Вжик. Вжик. Док продолжал храпеть.

Боковая дверь гаража открылась с тяжёлым лязгом, и я вышел в коридор базы «Восток-4».

Утро на «Четвёрке» было нервным. Коридоры, которые я помнил полупустыми, кишели людьми. Техники бежали мимо, сгибаясь под тяжестью ящиков с маркировкой «ЗИП-комплект», и глаза у них были круглыми, как у кроликов, которых несут на прививку.

Охрана стояла на каждом перекрёстке, и стояла иначе, чем вчера, напряжённо, с автоматами не на ремне, а в руках, стволами вниз, пальцами у скоб. Что-то случилось. Или вот-вот случится. Воздух в коридорах пах потом, маслом и той специфической нервозностью, которую не чувствуешь носом, на которая оседает на коже, как изморозь.

Я шёл быстро, не оглядываясь, с видом человека, который

знает, куда идёт, и имеет на это полное право. Универсальный пропуск на любой военной базе мира. И на любой базе другого мира тоже.

Медблок нашёлся там же, где в прошлый раз. Матовая пластиковая дверь с выцветшим красным крестом. Я толкнул её плечом.

Запах ударил первым. Хлоргексидин, концентрированный, ядрёный, от которого защипало в носу. За ним потянулась жжёная плоть, сладковатая, приторная, с той тошнотворной нотой карамели, которую невозможно спутать ни с чем.

И кровь. Много крови. Свежей, с металлическим привкусом, который оседал на нёбе ещё до того, как глаза успевали найти источник.

В коридоре лазарета лежали раненые. На каталках, на полу, на сдвинутых в ряд стульях. Кто-то стонал, монотонно, на одной ноте, как воеет ветер в щели. Кто-то лежал молча, уставившись в потолок остекленевшими глазами. Молодой санитар метался между каталками, прижимая к уху рацию, из которой доносился неразборчивый треск.

За стеклом операционной горели мощные хирургические лампы, и в их белом безжалостном свете я увидел Алису.

Доктор Скворцова стояла у стола. Белый халат заляпан бурыми пятнами от воротника до подола, и свежие пятна наслоились на старые, образуя камуфляжный рисунок, который не придумал бы ни один дизайнер. Лицо бледное, осу-

нувшееся, с тёмными кругами под глазами, которые говорили о том, что она не спала примерно столько же, сколько я. То есть слишком долго.

На столе перед ней лежал оружий расходник. Молодой парень в разорванном комбинезоне, с осколком бронепластины, торчащим из плеча, как абсурдный плавник. Кровь текла по жёлобу стола, капала на пол, и под столом уже натекла лужа, в которой отражались лампы.

Алиса работала. Пинцет в правой руке вцепился в осколок, потянул, и металл вышел из плоти с влажным чавканьем, от которого парень заорал на октаву выше. Осколок полетел в лоток.

Дзынь. Левая рука уже держала иньектор, и игла вошла в шею раненого быстрее, чем он успел набрать воздуха для следующего крика.

— Зажим дай, мать твою, он кровью истекает! — голос её был хриплый, командный, на тональности, которую я слышал у сержантов в бою.

Молодой санитар подскочил, дрожащими руками протянул зажим. Алиса перехватила инструмент, щёлкнула им в ране, и кровь перестала течь. Руки двигались быстро, точно, с той автоматической уверенностью, которая приходит после сотен операций и никуда не уходит, даже когда мозг валится с ног от усталости.

Я сделал шаг в операционную. Тяжёлый ботинок «Трактора» стукнул по кафельному полу, и звук прокатился по сте-

рильному помещению, как камень, брошенный в колодец.

Алиса подняла на меня глаза.

На секунду её взгляд стал пустым, нефокусированным, взглядом человека, который работает на пределе и уже не различает входящих. Потом зрачки сфокусировались на мне.

Узнавание мелькнуло в глазах, быстрое, как вспышка дульного пламени. За ним накатила усталость, такая густая, такая откровенная, что на секунду мне показалось, будто Алиса сейчас просто сядет на пол и заснёт.

Она кивнула мне. Коротко, одним движением подбородка.

Вижу тебя. Занята. Сейчас сдохну. Приходи позже.

Я положил руку на нагрудный карман. Почувствовал сквозь ткань контур флешера, маленький, твёрдый, обещающий.

Просить её провести нелегальный нейровзлом сейчас, в комнате, полной раненых, санитаров и крови, было бы не просто глупо. Это подставило бы её под трибунал, под допрос, под тех самых людей без шевронов, которые вчера утащили Гризли в подвал.

Я покачал головой. Поднял раскрытую ладонь. Отбой. Позже. Подождёт.

Алиса моргнула. Кивнула. Вернулась к раненому, и пинцет снова нырнул в рану, и лампы снова залили её белым безжалостным светом, в котором бурые пятна на халате ка-

зались картой неизвестного континента.

Я отступил спиной в коридор. Развернулся. Ушёл.

Флешер лежал в кармане, маленький и тяжёлый, как нерешённая задача. Ева молчала в голове, терпеливо, как ждёт сапёр, когда руки хирурга освободятся для его провода.

В гараже пахло сварочным озоном и остывшим кофе, которого здесь быть не могло, но мозг «Трактора» всё равно подсовывал фантомный запах, потому что утро без кофе для пятидесятипятилетнего мужика сравнимо с разминированием без миноискателя: технически возможно, но крайне нежелательно.

«Ископаемые» собрались у капота «Мамонта», и по их лицам я читал ночь, как читают протокол допроса.

Фид выглядел собранным, но под глазами легли синеватые тени, выдававшие то, что спал он мало и плохо.

Кира выглядела точно так же, как вчера, и я начинал подзревать, что она вообще не спит, а подзаряжается от лунного света, как какой-нибудь древний ящер.

Док зевал, широко и заразительно, и при каждом зевке из его рта вырывалось облачко пара, потому что бетонный бокс за ночь выстудился до температуры, при которой синтетическая кожа аватаров покрывалась мурашками.

Я подошёл к капоту и начал расстёгивать подсумки. Пальцы работали на автомате, привычно перебирая застёжки, пока голова занималась инвентаризацией. За последние двое суток я, как хороший старьёвщик, натаскал из шахты, пеще-

ры и лаборатории Матки столько барахла, что подсумки оттягивали пояс, и поясничный сервопривод «Трактора» ныл каждый раз, когда я наклонялся вперёд.

Первым на капот лёг ударопрочный блистер. Четыре гнезда, в каждом иньектор «Красного Феникса», и красная жидкость внутри стеклянных цилиндров переливалась в свете ламп, густая, тёмная, похожая на венозную кровь, которую загнали в ампулу и научили творить чудеса. Или убивать. Зависело от дозировки и везения.

Рядом лёг металлический цилиндр-модификатор из лаборатории. Вороненая сталь глухо стукнула о капот.

Я вскрыл блистер. Взял первый иньектор, повертел, проверяя индикатор давления, целостность иглы, срок годности на маркировке.

Протянул Фиду. Тот принял ампулу с уважением, которое профессиональные бойцы оказывают вещам, способным спасти жизнь. Взвесил в руке, убрал во внутренний карман и похлопал по нему ладонью, проверяя, что клапан застегнулся.

Второй иньектор ушёл Кире. Она приняла его кончиками пальцев, подняла на уровень глаз и посмотрела сквозь красную жидкость на свет, щурясь, как ювелир, оценивающий камень. Убрала в набедренный карман.

Третий — Доку. Медик покрутил ампулу перед носом, прочитал состав, хмыкнул с выражением человека, который нашёл в мусорной куче бутылку коллекционного вина, и ак-

куратно уложил в боковой отсек рюкзака, переложив ватой.

Четвёртый я вщёлкнул себе в слот на плечевой пластине. Фиксатор обхватил цилиндр с негромким хрустом, и ампула легла параллельно артерии, готовая впрыснуть содержимое в кровоток по первой мысленной команде.

Но пока было рано. Это останется как страховка. Чтобы наверняка выжить на этой безумной планете.

— Боевой стимулятор высшего класса, — сказал я. — Неприкосновенный запас. Колоть, когда уже видите свет в конце тоннеля. Причём тот свет, за которым тётка с косой, а не выход на свежий воздух. Феникс поднимет вас на ноги, залатает дыры, разгонит регенерацию до предела. Минут на десять вы станете почти бессмертными.

Я помолчал. Посмотрел на каждого и объяснил:

— А потом отходняк накроет так, что трое суток будете мечтать, чтобы вас пристрелили. Это не лечение. Это отсрочка. Ясно?

Три кивка. Люди, которые выжили в пещере с Маткой, не нуждались в подробных объяснениях про цену выживания.

Я взял цилиндр-модификатор. Тяжёлый, холодный, с резьбой на одном конце, стёршейся до нечитаемой маркировки. Я понятия не имел, что именно он делал с оружием, потому что инструкция к нему, скорее всего, лежала на тех самых серверных дисках, которые сейчас грелись в вертолёт-е Пастыря.

Но резьба была оружейной, калибр подходил под крупное,

и единственный человек в группе, который разговаривал с оружием на «ты», сидела на броне «Мамонта».

Я кинул цилиндр Кире. Бросок вышел резким, без предупреждения, по прямой, и если бы она замешкалась хоть на секунду, модификатор угодил бы ей в грудь.

Но Кира поймала его левой рукой, не глядя, с той ленивой точностью, с какой кошка ловит муху. Рефлексы снайпера. Глаза говорят одно, руки делают другое.

— Модификатор из лаборатории, — сказал я. — Разбейся, можно ли присобачить на твою винтовку. У нас каждый патрон на вес жизни, и если эта штука увеличивает хоть что-нибудь, кроме веса, нам это пригодится.

Кира крутила цилиндр в пальцах, медленно, методично, как крутят кубик Рубика, пытаясь понять логику механизма. Поднесла к дульному срезу винтовки, примерила, покачала головой. Резьба не совпадала, и модификатор сидел на стволе криво, как шляпа на пьяном.

— Переходник нужен, — сказала она. Голос ровный, деловой. Это был не отказ, а техническое условие. — Резьба метрическая, а здесь дюймовая. На токарном за час выточу, если найду нормальную болванку.

Она убрала цилиндр в подсумок на бедре, и тема закрылась так же быстро, как открылась. Кира не обсуждала проблемы. Она их решала.

Фид, который молча наблюдал за раздачей, перевёл взгляд с капота на мой пояс. Точнее, на бронированный контейнер,

который висел на набедренном креплении и который я рефлекторно прикрывал локтем каждый раз, когда кто-то подходил слишком близко.

Ядро. Красноватый биологический артефакт из чрева Матки, от которого Ева фиксировала слабую, но устойчивую биосигнатуру, и к которому Шнурок тянулся с упорством наркомана, почуявшего дозу.

— А что с булжником? — спросил Фид. Голос нейтральный, но глаза расчётливые, и я видел, как за ними крутятся шестерёнки, пересчитывающие красный камень в кредиты, кредиты в патроны, патроны в шансы на выживание. — Продадим Зубу? За биоматериал такого уровня он выложит серьёзно. А нам нужны бабки на снарягу.

Логика железная. И абсолютно неправильная.

Я хлопнул ладонью по контейнеру. Металл загудел, и где-то внутри, на самой границе слышимости, отозвалось что-то живое, мягкое, пульсирующее, как будто камень вздрогнул от удара.

— Нет, — сказал я. — Зуб нам не вариант. Он торгует с обеих сторон, а с таким товаром он побежит к «Семье» быстрее, чем мы дойдём до выхода из его крысиной норы. Уникальная биомасса из засекреченной лаборатории, которую мы только что взорвали? Это не лут, Фид. Это приговор. Для того, кто попытается его продать, и для того, кто попытается его купить.

Я обвёл взглядом группу и продолжил:

— Ядро — наш золотой актив на крайний случай. Мы его не продаём, не вживляем и не показываем никому за пределами этого бокса. Когда придёт время, мы поймём, что с ним делать. А пока оно лежит у меня на бедре и никуда оттуда не двигается.

Возражений не последовало. Фид кивнул, убирая шестерёнки обратно за спокойные глаза. Кира и Док промолчали.

Когда командир говорит «нет» таким тоном, спорить бессмысленно, как спорить с бетонной стеной. Стена не слушает, но стоит.

Я нажал кнопку на наручном коммуникаторе, и над капотом «Мамонта» развернулась голографическая карта сектора. Синий призрачный свет залил лица, заострив скулы и углубив тени под глазами, и группа невольно подалась вперёд, к трёхмерному рельефу, который поднялся над мятым камуфляжным металлом, как макет на столе штабного офицера. Хребты, долины, русла рек. Синие линии высот, красные зоны запрета, жёлтые нити маршрутов. И там, на северо-востоке, за красной стеной, серая, мёртвая точка. «Восток-5».

Я ткнул пальцем. Голограмма увеличилась, и серая точка расползлась в схему базы с контурами построек, периметром и мёртвой зоной вокруг, в которой не работало ничего.

— «Восток-5». Периметр Пастыря. Идти в лоб, всё равно что бросаться грудью на минное поле, героически и бесполезно, — озвучил я и повернулся к Фиду: — У тебя оста-

лись завязки в разведке. Мне нужно знать, когда на базу возвращается Отряд Семь. У них свежие карты, актуальная разведка, данные по красному сектору. Всё то, чего у нас нет и без чего мы будем тыкаться в джунглях, как слепые котята в подвале.

Фид наклонил голову и ответил. В глазах промелькнул прищур, быстрый, оценивающий, и я видел, как он перебирает в памяти имена, связи, долги, одолжения:

— Сделаю. У меня есть там должник. Старшина Мотыль, из тыловигов «Семёрки». Мы с ним пересеклись на первом контракте, я помог ему списать ящик сухпайков на потерю при транспортировке. Человек с тех пор здоровается первым. Поговорю.

— Тихо поговори, — уточнил я. — Без лишних ушей.

Фид усмехнулся одним углом рта.

— Обижаешь.

Я перевёл взгляд на Дока и Киру и продолжил:

— Вы двое занимаетесь «Мамонтом». Срезать прожжённую броню, наварить свежие листы из того, что найдёте на металлоломе. Ходовую перебрать, подвеску проверить, фильтры заменить. Правый задний амортизатор я чувствовал через руль ещё на просеке, и мне не понравилось, как он отработывал кочки.

Док посмотрел на «Мамонт» с выражением автомеханика, которому привезли машину после ДТП и попросили сделать «чтобы ездил». Вздохнул тяжело, как вздыхают перед боль-

шой и неблагодарной работой, и полез в инструментальный ящик «Мамонта».

Гаечный ключ, который он достал, был таким промасленным и потёртым, что казался продолжением его руки.

— Если эта коробка заглохнет в красной зоне, — закончил я, — мы станем кормом для первого же апекса, которому не понравится запах нашего дизеля. А им тут не нравится всё.

Я свернул карту. Голограмма сжалась в точку и погасла, и капот «Мамонта» снова стал просто мятым грязным металлом с пятнами кислоты и отпечатками ладоней.

— А я иду на гауптвахту. Нужно вытащить контрабандиста Кота. Без него мы не найдём слепые зоны глушилок, а без слепых зон мы не дойдём до «Пятёрки». Вопросы? — спросил я.

Фид открыл рот. Губы начали формировать первый слог, что-то вроде «принято», и я уже видел, как он набирает воздух для короткого командирского ответа, когда мир вокруг взорвался звуком.

Сирена пробила звукоизоляцию бокса, как артиллерийский снаряд пробивает стену блиндажа.

Пронзительный, вибрирующий вой ворвался отовсюду сразу, из стен, из потолка, из-под пола, и этот звук не был сигналом подъёма, не был учебной тревогой, не был гудком пересменки. Я слышал такие сирены. В Судане, когда база попадала под обстрел. В Сирии, когда боевики прорывали

периметр. Качающийся, рваный, воющий звук, который переходил с высокой ноты на низкую и обратно, и в каждом переходе слышалось одно слово: бегите.

Люминесцентные лампы под потолком мигнули, как моргнувший глаз, и погасли. Темнота обрушилась на бокс, мгновенная, полная, и в этой темноте сирена выла особенно жутко, лишённая визуальной привязки, голый звук опасности, от которого сжимался желудок и каменели мышцы.

Потом вспыхнули стробоскопы.

Красный. Темнота. Красный. Темнота.

Лица группы замелькали рваными кадрами. Фид с застывшим ртом. Кира уже на ногах, и в красной вспышке блеснул металл затвора, который она передёрнула раньше, чем мозг успел отдать команду рукам. Док, роняющий гаечный ключ, и ключ летит к полу целую вечность, вращаясь в стробоскопическом свете, как сюрреалистическая скульптура.

Динамик на стене ожил. Треск статики, потом голос. Сорванный, захлёбывающийся, с той неприкрытой паникой, которая бывает у людей, когда инструкция на стене уже не работает и остаётся только горло:

— Внимание всему личному составу! Код Красный! Код Красный! Множественный прорыв внешнего периметра в южном секторе! Всем боевым единицам занять позиции по регламенту обороны! Повторяю...

Глава 2

Сирена выла, и красный свет стробоскопов пульсировал по стенам бокса, превращая лица в маски из фильма ужасов.

Из динамика на стене раздался голос, хриплый, срывающийся, но уже чуть более уверенный, чем первый панический вопль минуту назад. Кто-то на командном пункте взял себя в руки. Или кто-то другой, потрезвее, отобрал у первого микрофон:

— Внимание! Южный прорыв локализован автоматическими турелями! Код Красный сохраняется! Всему свободному составу занять позиции на стене!

Локализован турелями.

Значит, фауна. Обычный прорыв периметра, каких на Терра-Прайм, судя по протоколам, случалось по три штуки в неделю. Какой-нибудь апекс почуял запах столовой и решил проверить, не подают ли сегодня «расходников» на завтрак.

Турели справятся. Или не справятся, но это уже не мой цирк.

Мой цирк стоял посреди бокса и смотрел на меня в ожидании команды.

Я передёрнул затвор ШАКа. Механизм сработал вхолостую, затворная рама скользнула вперёд и встала на место с тем специфическим сухим лязгом, который знает каждый, кто хоть раз держал в руках пустое оружие. Звук металла по

металлу без патрона между ними. Звук бесполезности, упакованной в семь килограммов вороненой стали.

Повесил ШАК за спину. Привычный вес лёг между лопатками, и отсутствие патронов ничего не меняло в этом ощущении, потому что тело привыкло носить оружие вне зависимости от того, заряжено оно или нет.

— Что у кого? — уточнил я.

Фид отстегнул магазин автомата. Взвесил в ладони, прикидывая по весу. Движение эконома, который привык считать деньги, не открывая кошелька. Пристегнул обратно.

— Штук двенадцать. Может, четырнадцать, если повезёт, — ответил он.

Кира похлопала по ствольной коробке снайперки. Ладонь легла на металл коротко, почти нежно, как ложится на плечо старого друга:

— Один бронебойный.

Один патрон. В снайперской винтовке, которая стояла больше, чем годовой контракт «расходника». Один выстрел, после которого винтовка превращалась в полутораметровую дубину с оптическим прицелом.

Док развёл руками. Широко, театрально, с тем выражением, которое говорило «а я предупреждал».

— Скальпели, — сказал он. — И пистолет. Одна обойма.

Хирургические скальпели и пистолет с одной обоймой. Против того, что водилось в здешних джунглях, это примерно то же самое, что зубочистка против медведя. Впрочем,

Док был медиком, а не бойцом, и его оружием были руки, а не стволы. До тех пор, пока эти руки целы, он стоил больше, чем ящик патронов.

Я оглядел свой отряд. Четверо. Двенадцать патронов калибра 5,45. Один бронебойный 12,7. Одна обойма к пистолету. И стальная решимость, которая, к сожалению, не конвертировалась в боеприпасы.

Даже на Terra-Прайм.

— На стене нам с пустыми стволами делать нечего, — сказал я. — Будем только мешать. Зато прямо сейчас каждый вооружённый ствол на базе стянут к южному периметру. Охрана, СБ и особисты на стене.

Я выдержал паузу. Посмотрел каждому в глаза.

— Гауптвахта пуста. Идём за Котом. Прямо сейчас, — распорядился я.

Фид понял первым. Глаза блеснули тем расчётливым блеском, который появляется у разведчиков, когда хаос вокруг превращается из проблемы в возможность. Кира молча перекинула винтовку за спину. Док подхватил рюкзак.

Но сначала мне нужно было решить проблему с пустыми руками.

Я пошёл в дальний угол бокса, туда, где у стены громоздилась куча старого хлама, которая, видимо, копилась здесь годами и которую никто не удосуживался вывезти по той же причине, по которой никто не убирает барахло из гаража.

Зачем выбрасывать, если можно подождать, пока оно при-

годится?

Ржавые листы кровельного железа, мотки проволоки, отгрызки кабельных каналов,дохлый компрессор с выбитым манометром.

Левая рука раскидывала хлам, и сервопривод в плече на этот раз работал исправно, без нареканий, чего нельзя было сказать о колене, которое при каждом наклоне издавало скрип, похожий на стон раненого пса.

Под третьим слоем ржавчины обнаружилась стальная труба. Полтора метра, толстостенная, с обрезанным фланцем на одном конце. Бывший рычаг от лебёдки или подъёмника, списанный на свалку по причине, которая меня совершенно не интересовала.

Я поднял её. Килограммов десять. Для обычного аватара тяжеловато, для «Трактора» в самый раз. Баланс хороший, центр тяжести смещён к рабочему концу, как у хорошей кувалды.

Металл скользил в пальцах, залитый старым машинным маслом. На полу бокса валялся кусок замасленного брезента, брошенный кем-то рядом со сварочным аппаратом. Я поднял его, рванул пополам.

Ткань затрещала, разошлась неровными краями, и от неё пахло солидоллом и пылью. Намотал одну половину на конец трубы, виток за витком, туго, как бинтуют рану, и затянул узлом. Хват стал надёжным, шершавым, и труба легла в ладонь «Трактора» так, будто всегда там лежала.

Взмахнул. Резко, с оттягом, проверяя баланс и отзывчивость правой руки. Воздух свистнул, труба описала дугу.

Трофейный пистолет из набедренной кобуры лёг в левую руку. Выщелкнул магазин, пересчитал патроны. Семь. Половина от полного. Вставил обратно, передёрнул затвор, поставил на предохранитель.

В правой руке полтора метра стальной трубы. В левой пистолет с семью патронами. На спине пустой ШАК-12. Пятидесятипятилетний военный инженер, вооружённый как средневековый крестьянин, идущий бить налоговых сборщиков. Терра-Прайм, третьи сутки.

Прогресс.

Боковая дверь бокса отъехала в сторону, и тропический воздух хлынул в лицо, влажный, тёплый, пахнувший дождём, горелым кордитом и тем специфическим запахом мокрого бетона, который на всех военных базах мира пахнет одинаково: казармой, тоской и системой.

Началась морось.

Мелкая, плотная, тропическая, скорее водяная пыль, чем дождь, но достаточно густая, чтобы за минуту покрыть каждую поверхность блестящей плёнкой влаги. Капли оседали на визоре «Трактора», дробя картинку, и я смахнул их тыльной стороной ладони, размазывая по стеклу грязные полосы.

Внутренний двор базы «Восток-4» выглядел как потревоженный муравейник, в котором кто-то ещё и включил пожарную сигнализацию.

Жёлтые лучи прожекторов резали дождевую взвесь косыми полосами, и в этих полосах мелькали фигуры: расходники в касках бежали к стене, звеня амуницией и оскальзываясь в лужах, техники тащили ящики с маркировкой «БК», которая означала «боекомплект» и которую я читал на ящиках столько раз в жизни, что буквы выучились наизусть.

Мимо с рёвом пронёсся бронетранспортёр, обдав нас столбом грязной воды из лужи, и на его броне сидели бойцы, вцепившиеся в скобы мокрыми руками, с лицами, на которых было написано то универсальное выражение молодых солдат, едущих в бой: смесь возбуждения и ужаса, замешанная на адреналине и сдобренная пониманием, что назад дороги нет.

Никто на нас не смотрел.

Четвёрка наёмников в разномастной броне, бегущих куда-то в сторону от стены, не вызывала интереса в мире, где каждый занимался собственным выживанием. Хаос был нашим пропуском. Паника была нашим союзником. Единственное, за что стоило благодарить тех тварей, что прорвали южный периметр, это за то, что они выбрали идеальный момент.

Мы двигались против потока. Все бежали к стене, мы бежали от неё. Жались к стенам складских ангаров, где металлический козырёк давал хоть какое-то укрытие от дождя и от глаз.

Перебегали открытые пространства между контейнерами,

и каждая перебежка длилась секунды три, не больше, потому что Кучер с трубой и пистолетом посреди двора привлёк бы внимание быстрее, чем обезьяна с гранатой на параде.

Шнурок бежал у моей правой ноги, прижимаясь к ботинку при каждом выстреле турелей, которые глухо бухали где-то на южной стене, и от каждого залпа маленький троодон вздрагивал всем телом, но не отставал.

Храбрый зверёк. Или глупый. На Terra-Прайм разница между этими понятиями была примерно такой же, как между «живым» и «пока ещё живым».

Я поднял кулак. Группа замерла за контейнером, переживая взвод СБ в тяжёлой штурмовой броне, который протопал мимо в сторону стены, и каждый шаг их экзоскелетов вминал мокрый грунт с гидравлическим чавканьем, от которого дрожали лужи. Когда последний силуэт растворился в дождевой мороси, я опустил кулак.

Пошли.

Обогнули здание пищеблока, из вентиляции которого несло пригоревшей кашей даже в разгар боевой тревоги, потому что на Terra-Прайм каша пригорала при любых обстоятельствах, включая, видимо, конец света.

За пищеблоком, в тупике между двумя ангарами, стояло приземистое бетонное здание. Ни окон, ни вывесок, ни даже номера на фасаде. Только массивная магнитная гермодверь, тускло поблёскивающая мокрым металлом в свете ближайшего прожектора, и козырёк, под которым должен был сто-

ять часовой.

Гауптвахта.

Козырёк был пуст.

На столе дежурного, прикрученном к стене под козырьком, валялась перевёрнутая кружка, и коричневая жидкость медленно капала с края столешницы на бетон, впитываясь в лужицу, которая уже подёрнулась дождевой плёнкой. Охрана умчалась на стену. Даже кружку допить не удосужились. Впрочем, судя по тому, что здесь наливали вместо кофе, они ничего не потеряли.

Я подошёл к гермодвери. Магнитный замок горел красным, запертый на электронный код, и панель доступа мигала ровным, безразличным синим огоньком, ожидая карту или комбинацию, которых у меня не было.

И тогда из-за двери донёсся звук.

Глухой, увесистый хлопок, который прошёл сквозь толстую сталь створок, потеряв высокие частоты, но сохранив тяжёлую, пробивную сердцевину. Дробовик. Или крупный калибр с коротким стволом. Выстрел внутри закрытого помещения, и это был не случайный разряд, потому что случайные разряды не звучат так уверенно.

Внутри кто-то стрелял.

Фид посмотрел на меня. Глаза за тактическим визором сузились, и я прочитал в них то, что он не стал произносить вслух: если мы ломаем эту дверь, обратной дороги нет.

А когда она была?

Живой Домкрат.

Перк активировался мгновенно, и я почувствовал, как тело «Трактора» наполняется давлением, будто в гидравлические контуры закачали лишние литры жидкости.

Мышечный каркас загудел, сервоприводы взвыли на повышенных оборотах, и суставы заблокировались в жёсткий каркас, превращая полтора центнера инженерного аватара в живой домкрат.

Пять секунд. Тройная мощность. Потом откат, от которого колени подкосятся, а спина напомним, что она не бесконечная.

Я вогнал сплюснутый конец трубы в щель между створками магнитной двери. Металл вошёл с визгом, срезая краску и высекая искру, которая мелькнула в мокром воздухе и погасла.

Навалился всем телом. Гидравлика «Трактора» взвыла на ноте, от которой задребезжал козырёк над столом дежурного. Труба прогнулась, приняв нагрузку. Створки заскрипели, застонали, и магнитный замок начал трещать, плевать искрами и дымить, как перегруженный трансформатор.

Хруст. Мерзкий, костяной, как будто сломался хребет чего-то металлического. Замок лопнул. Створки разошлись на полметра, и из щели пахло хлоркой, сыростью и порохом.

Я проскользнул в щель боком, труба наготове, пистолет в левой руке. Фид нырнул следом, автомат у плеча, ствол влево. Кира за ним, ствол вправо.

Узкий длинный коридор. Мигающие люминесцентные лампы под потолком, из которых работала через одну, и каждая вторая мёртвая лампа превращала свой участок коридора в островок полутьмы. Слева и справа решётки камер, толстые прутья с облупленной серой краской, за которыми угадывались узкие пеналы с койками и параша.

Запах ударил вторым. После хлорки и сырости, которые я учуял ещё через щель, пришёл порох. Свежий, горький, с тем характерным привкусом нитроцеллюлозы, который ни с чем не спутаешь. И кровь. Густой, металлический запах свежей крови, от которого нёбо покрылось медным привкусом раньше, чем глаза нашли источник.

Глаза нашли.

В дальнем конце коридора, метрах в пятнадцати, стоял человек. Штурмовой экзоскелет, дорогой, блестящий, из тех, что носят старшие офицеры СБ, когда хотят подчеркнуть разницу между собой и рядовым составом.

На экзоскелете не было ни пылинки, ни царапины, ни пятна. Новенький, как с витрины. Tактический дробовик в руках, ствол направлен вниз, из казённого вился сизый дымок, лениво поднимаясь к мигающей лампе.

Капитан-особист. Тот самый.

Широкоплечий, коренастый, с бритой головой и маленькими глазками, утопленными в мясистом лице. Тот самый человек, который забрал мои железы рапторов на блокпосте при первом досмотре.

Который сидел на прикорме у «Семьи». Который, судя по всему, получил звонок от хозяев за минуту до того, как Гриша отправил амбалов за Гризли, и теперь зачищал концы.

Дверь ближайшей камеры была открыта. На полу камеры, в метре от порога, лежало тело в серой робе заключённого. Молодой аватар, тощий, с наголо бритой головой.

Грудь пробита картечью, и на полированном бетоне расплзлась лужа крови, чёрная в мигающем свете ламп, блестящая, густая, уже начинавшая загустевать по краям.

Капитан спокойно передёрнул цевьё дробовика.

Клац-клац.

Гильза вылетела, звякнула о бетон и покатила к стене, оставляя за собой дымный след. Он повернулся к следующей камере.

За решёткой, вжавшись спиной в дальний угол, стоял тощий аватар в такой же серой робе. Мелкий, жилистый, с острыми скулами и быстрыми глазами, которые метались по коридору, как мыши по клетке.

Его трясло. Крупная дрожь проходила по всему телу, и руки, прижатые к стене, скребли бетон кончиками пальцев, оставляя на сером покрытии белые царапины.

Васька Кот. Живой. Пока.

Лязг сломанной гермодвери прокатился по коридору гулким эхом, и капитан обернулся. Медленно, с тем ленивым спокойствием, которое бывает у людей, абсолютно уверенных в своей безнаказанности.

Маленькие глазки нашли меня в полутьме коридора, и на мясистом лице расплзлась ухмылка, от которой мне захотелось вогнать трубу ему в зубы до самого затылка.

— Ты? — голос сытый, довольный, с тем снисходительным оттенком, каким разговаривают с насекомым, которое заползло не в ту комнату. — «Трактор» с мусором. Надо же. А у меня тут...

Он качнул дробовиком, небрежно, как качают тростью.

— Протокол безопасности номер семь. Ликвидация опасных элементов при угрозе захвата базы. Устав, параграф, печать, всё как положено. Не мешай работать, пенсионер.

Протокол безопасности номер семь.

Ликвидация.

Звучит красиво, бюрократично, стерильно. А выглядит как человек с дробовиком, который ходит по камерам и стреляет связанных зэков в грудь. Одного уже застрелил. Второго собирался. И протокол тут ни при чём, потому что протоколы не стреляют. Стреляют люди, которые прячут за протоколами свои собственные причины.

А причины у капитана были простые, как мышеловка. Гриша взял Гризли. Гризли начнёт говорить. Гризли назовёт имена. И капитану нужно было убрать всех, кто мог подтвердить эти имена, прежде чем Гриша доберётся до камер.

Кот был свидетелем. Мёртвый зэк на полу был свидетелем. Свидетели мешали капитану доживать до пенсии.

Всё это я просчитал за те полторы секунды, которые про-

шли между его ухмылкой и моментом, когда дробовик начал подниматься.

Ствол пошёл вверх, и я увидел, как палец капитана скользит к спусковому крючку, и мир замедлился, как замедляется всегда, когда тело переключается из режима «думать» в режим «жить».

Я упал на правое колено. Больное, люфтящее, с хрустящей втулкой, и боль прострелила бедро снизу вверх, как электрический разряд, но колено согнулось, и мой центр тяжести сместился на полметра вниз за ту долю секунды, которая решала всё.

Грохот. Вспышка. Картечь разнесла стену ровно там, где мгновение назад была моя голова. Бетонная крошка сыпалась по визору, по плечам, по спине, и осколок штукатурки чиркнул по уху «Трактора» горячим жалом, оставив тонкую борозду на синтетической коже.

Я оттолкнулся от пола и полетел вперёд, сокращая дистанцию. Пятнадцать метров до капитана, и каждый метр означал секунду, за которую он мог перезарядить, а я мог умереть.

Тело «Трактора» двигалось быстрее, чем я думал, разгон инженерного аватара на короткой дистанции впечатлял не скоростью, а массой, и полтора центнера мышечного каркаса, набирающие скорость в узком коридоре, выглядели примерно так же, как грузовик, выезжающий из тоннеля.

Три шага. Четыре. Труба пошла снизу вверх.

Удар пришёлся по стволу дробовика, и десять килограммов стальной трубы, разогнанные гидравликой «Трактора», встретили оружие с такой силой, что из точки контакта вылетел снап искр, а дробовик вырвало из рук капитана с хрустом, похожим на треск ломающихся пальцев.

Оружие отлетело к стене, ударилось о решётку камеры и загрохотало по бетону, крутясь на полу, как бутылка в детской игре.

Капитан отшатнулся.

Лицо перекосило от боли в выбитых пальцах, но он был профессионалом, а профессионалы не останавливаются от боли. Правая рука, онемевшая, бесполезная, повисла вдоль тела.

Левая метнулась к поясу. Боевой нож с виброрезвием вышел из ножен с тонким, зудящим гулом, который наполнил коридор жужжанием разъярённой осы, и лезвие размылось по краям, вибрируя на частоте, от которой оно резало композитную броню как бумагу.

Капитан замахнулся. Широко, от плеча, целясь в шейный сустав «Трактора», туда, где сочленение шлема и нагрудника оставляло щель в полсантиметра, и вибронож прошёл бы через эту щель, как горячая игла через воск.

Он шагнул назад, перенося вес на заднюю ногу для удара.

Тяжёлый бронированный ботинок экзоскелета опустился на край лужи крови. Той самой крови, которая вытекла из пробитой груди зэка в первой камере и расплзлась по по-

полированному тюремному бетону тонким, скользким, блестящим слоем.

Кровь на полированном бетоне, все равно что машинное масло на кафеле.

Ботинок сорвался.

Я увидел это в замедленном режиме, кадр за кадром, как в учебном фильме по технике безопасности, который крутят новобранцам, и который никто никогда не воспринимает всерьёз, пока не увидит своими глазами.

Подошва поехала вперёд по кровавой плёнке. Ось баланса сместилась за точку невозврата. Руки взметнулись, и вибронож вылетел из пальцев, звякнув о решётку камеры. Ноги взлетели в воздух, и тело капитана, утяжелённое экзоскелетом, начало падать назад, туда, где за его спиной торчал распахнутый стальной щиток электрического распределителя с острым, как топор, краем дверцы.

Хруст.

Звук, который я слышал раньше только один раз, в Ливии, когда боец упал с бронетранспортёра и ударился затылком о край трапа.

Сухой, тяжёлый звук ломающихся шейных позвонков. Звук, после которого не нужно щупать пульс, потому что итог записан в самом звуке.

Тело капитана сползло по стене. Голова завалилась набок под углом, который не предусмотрен человеческой анатомией. Глаза, маленькие, мясистые, злые, остекленели и уста-

вились в мигающую лампу на потолке с выражением тупого удивления. Из приоткрытого рта вытекла тёмная струйка. Пальцы правой руки дёрнулись дважды, скребнув по бетону, и замерли.

Сирена снаружи выла, но стены гауптвахты глушили её до далёкого, почти уютного гудения, похожего на шум моря в раковине. Кровь капитана капала с края щитка на пол.

Кап. Кап. Кап.

Метроном, отсчитывающий время, которого у нас только что стало значительно меньше.

Я стоял с занесённой трубой. Дыхание хрипело через фильтры «Трактора». Пальцы сжимали брезентовую обмотку так, что она трещала. Я опустил трубу. Конец стукнул о бетон.

Я даже не ударил его.

Фид медленно опустил автомат. Визор поднят, лицо открыто, и на этом лице, обычно спокойном и расчётливым, как циферблат часов, не осталось ни кровинки.

— Твою мать... — голос его был сиплый, севший, голос человека, который понимает масштаб произошедшего быстрее, чем хотел бы. — Командир... мы только что грохнули старшего офицера СБ. Во время боевой тревоги.

— Технически, мы его не грохнули. Его грохнула кровь на скользком полу.

Но трибуналу, который будет рассматривать дело, эта техническая деталь покажется примерно такой же убедитель-

ной, как «он сам упал на нож» в протоколе допроса.

Док вошёл в коридор последним. Протиснулся мимо Кирь, подошёл к телу, присел на корточки. Фонарик из нагрудного кармана щёлкнул, луч ударил в остекленевший зрачок капитана. Пальцы легли на сонную артерию, привычно, профессионально, хотя результат был очевиден по углу, под которым голова лежала на плече.

Док поднял голову. Посмотрел на меня. Качнул головой:

— Готов. Шейный отдел в труху.

Он выключил фонарик. Убрал его в карман. Поднялся и озвучил очевидное:

— Трибуналу мы хрен докажем, что он сам поскользнулся. Нас расстреляют у ближайшей стенки.

Глава 3

Мёртвый капитан смотрел в потолок, и в его остекленевших глазах отражалась мигающая лампа, как маленький холодный маяк, посылающий сигнал тому, кто уже не ответит.

Я наклонился к его телу.

Сервоприводы в пояснице скрипнули, и правое колено прострелило болью, напоминая о себе с настойчивостью кредитора, которому давно задолжали. Пальцы левой руки нашли тактический карабин на поясе мертвеца, дёрнули, и металлическое кольцо с ключами оторвалось от крепления вместе с куском подкладки.

Связка звякнула в ладони, тяжёлая, увесистая, ключей восемь, каждый промаркирован номером камеры. Рядом с карабином, в нагрудном кармашке экзоскелета, нашлась магнитная ключ-карта, заляпанная кровью, которая ещё не успела подсохнуть.

Я выпрямился и подошёл к решётке камеры, за которой стоял Васька Кот.

Тощий аватар вжимался в прутья с той отчаянной силой, с которой вжимаются в стену за секунду до расстрела. Мелкий, жилистый, с острыми скулами и глазами, в которых ужас медленно отступал, уступая место чему-то похожему на надежду. Или на её судорогу перед смертью. Серая роба заключённого висела на нём, как мешок на вешалке, и было

видно, что его не кормили нормально уже давно.

Я приложил карту к считывателю. Писк. Индикатор моргнул зелёным. Решётка дрогнула и поехала в сторону с тяжёлым лязгом, от которого Кот вздрогнул всем телом, хотя этот лязг означал свободу, а не пулю.

Васька вывалился в коридор и упёрся руками в колени, дыша так, будто пробежал марафон. Из камеры за его спиной, из полутьмы, где горела единственная лампа на четверть мощности, выступили ещё двое.

Я узнал их. Транзитники из первой казармы, те, что попались мне на глаза в первый день на «Четвёрке».

Американец, здоровенный бугай в тяжёлом штурмовом аватаре, который тогда выглядел как шкаф с ногами, а сейчас выглядел как шкаф, который уронили с пятого этажа. Помятый, с ссадиной на скуле и запёкшейся коркой крови в углу рта. Роба натянулась на его плечах до треска швов.

Рядом с ним, едва доставая ему до подмышки, стоял китаец. Юркий, подвижный, с синяком на пол-лица, который расплылся от скулы до брови фиолетово-жёлтым закатом. Глаза быстрые, настороженные, бегающие по коридору с той скоростью, с какой работает сканер на кассе самообслуживания.

Китаец выступил вперёд. Поклонился коротко, резко, с той машинальной вежливостью, которая у некоторых народов сидит в мышечной памяти глубже, чем инстинкт самосохранения.

— Капитана мэ-э мёртвый. Очень холосо! Мы си вами

пойдём-а? Мы старэлять умеем! Старэлять, бегать, всё умеем! — заявил он.

Американец поправил робу на плечах, одёрнул рукава и посмотрел на меня сверху вниз, хотя «Трактор» был выше его на полголова. Привычка. Люди с такими плечами привыкают смотреть сверху вниз даже на тех, кто их выше.

— Йес, мэн, — голос низкий, с тягучим южным акцентом, Техас или Оклахома. — Мы в долгу не останемся. Этот ублюдок хотел пустить нас в расход. Возьми нас, босс. Мы пригодимся.

Фид появился у меня за плечом. Я почувствовал его взгляд раньше, чем увидел, и этот взгляд говорил «нет» на языке, который не требовал перевода.

— Шеф, нахрена нам этот цирк? — вполголоса, сквозь зубы. — Бросаем их. Лишний балласт.

Логика Фида была прямой, как пуля. Тащить за собой троих зэков в робах посреди боевой тревоги было примерно так же разумно, как тащить за собой горящий факел по пороховому складу.

Но сапёрский расчёт работал иначе.

Мы убили старшего офицера СБ. Технически, он убили сам, поскользнувшись на крови, но кого это волнует? Мы взломали дверь гауптвахты во время боевой тревоги. Мы вытащили заключённых.

И слово четырёх наёмников против рапорта мёртвого осо-

биста стоило примерно столько же, сколько обещания «РосКосмоНедра» на рекламных плакатах. То есть ничего.

А трое освобождённых эков, которых капитан собирался пустить в расход по «протоколу номер семь», это три независимых свидетеля. Три голоса, которые подтвердят, что особист начал бойню первым. Что он стрелял связанных людей в камерах. Что «протокол» был не протоколом, а зачисткой концов. Не бог весть какой козырь, но в игре, где у тебя на руках одни шестёрки, даже семёрка может стать козырной.

Плюс лишние руки с оружием. Если удастся найти оружие.

— Берём всех, — сказал я. — За мной, след в след.

Фид промолчал. Стиснул челюсти, убрал возражения обратно за спокойные глаза и занял место замыкающего. Профессионал. Высказал мнение, получил приказ, выполнил. Без обид, без пассивной агрессии, без демонстративного несогласия. Армейская школа, которую не купишь за кредиты.

Семь человек и один динозавр вывалились из тюремного блока во внутренний двор «Востока-4», и двор встретил нас так, будто за те пятнадцать минут, что мы провели внутри, кто-то добавил огня.

Небо над базой полыхало. Прожектора резали дождевую морось косыми жёлтыми полосами, и в этих полосах мелькали трассеры, уходящие с южной стены в темноту джунглей длинными огненными пунктирами.

Крупнокалиберные пулемёты молотили, не переставая, и их тяжёлый стук вибрировал в грудной клетке «Трактора», как второе сердцебиение. Над стеной кружили два дрона с прожекторами, и их лучи скользили по кронам деревьев за периметром, выхватывая из мрака силуэты, при виде которых пулемёты начинали работать ещё злее.

Мы побежали.

Прижимаясь к бетонной стене ангара, где козырёк крыши давал хоть какую-то тень, семь фигур в разномастном обмундировании двигались быстрыми перебежками, от укрытия к укрытию.

Я впереди, ШАК за спиной, труба в правой руке, пистолет в левой.

Шнурок мчал у правой ноги, маленький и злой. Фид шёл замыкающим, автомат у бедра, голова крутится на триста шестьдесят.

Кира сканировала крыши через оптику, и ствол снайперки двигался плавно, как стрелка компаса, ищущая север.

Док бежал в центре, пригнувшись, рюкзак прижат к груди. Транзитники позади, босые, в робах, спотыкающиеся на мокром бетоне. Васька Кот последний, тощий как борзая, бежал бесшумно, инстинктивно выбирая сухие участки.

Тридцать метров мы прошли.

На тридцать первом бетон у моего виска взорвался.

Осколки хлестнули по визору, и правый глаз на секунду ослеп от мелкой крошки, впившейся в стекло. Ни единого

звука выстрела. Вместо грохота, привычного «бам», от которого ухаёт в груди и закладывает уши, только сухой шелест.

Вжик. Вжик-вжик.

Три дырки в бетонной стене за моей спиной, одна выше другой, ступеньками, как метки на мишени.

Глушители.

Я рухнул на колено, утягивая за собой Ваську Кота, который стоял столбом, парализованный, с выражением человека, который только что вспомнил, что снаружи бывает ещё хуже, чем в камере. Моя левая рука вцепилась в ворот его рубы и дёрнула вниз так, что он сложился пополам и ударился коленями о мокрый бетон.

— Снайперы! Глушители! Назад! — скомандовал я.

Фид метнулся к углу ближайшего склада, прижался плечом к ржавому ребру контейнера и вскинул автомат в направлении вспышек.

Палец нашёл спуск. Короткая очередь. Клик. Пусто. Затвор встал на задержку, и Фид уставился на оружие с тем выражением, с каким смотрят на друга, который подвёл в самый неподходящий момент.

Двенадцать патронов. Все двенадцать ушли одной очередью в темноту, потому что тело стреляло раньше, чем голова успела посчитать.

Кира лежала за бетонным бордюром, ствол снайперки на упоре, глаз у прицела. Один бронебойный. Один патрон в снайперской винтовке, цена которой равна годовому кон-

тракту. Стрелять им в темноту, наугад, по вспышкам, которые длились миллисекунды, было бы не тактическим решением, а истерикой. Кира не истерила. Кира ждала.

Новая серия ударила по бордюру перед ней, выбивая каменную крошку веером. Целенаправленно. Точно. Без лишних патронов. Так стреляют люди, которые знают, что делают, и которым платят за результат, а не за расход боеприпасов.

Это не охрана базы. Охрана палила трассерами с южной стены, орала по рациям и подсвечивала цели дронами. Охрана работала шумно, грязно, как работают испуганные люди с большими стволами.

Эти работали тихо. Глушители, быстрая смена позиций, синхронные сектора огня. Они брали нас в клещи, зажимая между стеной ангара и контейнерами, и каждая новая позиция перекрывала путь отступления на десять градусов точнее, чем предыдущая.

Профессионалы. Люди «Семьи» или ещё кого похуже.

— Уходим обратно в блок! В подвалы! — заорал я, и голос утонул в грохоте пулемётов на стене, но группа услышала, потому что когда командир орёт «назад», слышат даже глухие.

Мы вкатились в здание гауптвахты. Америкашка протиснулся последним, и пули высекли искры из дверного косяка в сантиметре от его бритого затылка. Он нырнул внутрь, рухнул на пол, перекатился и выматерился.

Дверь. Сломанная, перекошенная, с вырванными петлями. Не запирается. Через минуту, может быть через две, они будут здесь.

Я схватил свою трубу и вогнал её в петли, пропустив сквозь проушины на створке и на косяке. Металл заскрежетал, труба встала враспор, и дверь зафиксировалась.

Это их задержит. Минута, может, полторы, прежде чем они вышибут или подорвут.

Но это на полторы минуты больше, чем у нас было секунду назад. На Терра-Прайм и за это спасибо.

Я побежал по коридору мимо трупа капитана, и подошвы «Трактора» шлёпали по луже его крови, оставляя рифлёные отпечатки на полированном бетоне. План здания проступал в памяти, нечёткий, собранный из обрывков тактических схем, которые Ева подсовывала на периферию зрения. Тюремный блок, коридор камер, пост дежурного, лестница вниз, и там, на нижнем уровне...

— У особиста должна быть комната вещдоков. Быстро! — обозначил я.

Фид обогнал меня.

Длинные ноги «Спринта» работали как поршни, и он первым оказался у двери с табличкой «Хранилище конфиската», обшарпанной, с облупленной синей краской. Замок электронный.

Фид не стал искать ключ. Разбежался, вложил массу лёгкого аватара в удар, и ботинок врезался в створку рядом с

замком. Металлическая дверь гулко отозвалась на такое издевательство, но даже не шелохнулась. Я уже подходил к двери с ключом-картой мёртвого капитана, бросил недоуменный взгляд на молодого бойца и спокойно провёл картой. Диод тут же сменился на зелёный, замки щелкнули и дверь открылась.

Свет вспыхнул автоматически, яркий, люминесцентный, и я увидел то, от чего на секунду перехватило дыхание.

Металлические стеллажи. Четыре ряда, от пола до потолка, набитые конфискатом. Ящики с маркировкой. Оружие на вешалках. Подсумки, разгрузки, кобуры. И патроны. Цинки, коробки, блистеры, россыпью и в упаковках, промаркированные по калибрам, разложенные по полкам с аккуратностью библиотекаря, который любит свою работу.

Капитан-особист конфисковал чужой хабар не для того, чтобы сдать его в арсенал. Он конфисковал его для себя. Склад личных трофеев, маленькая сокровищница крысы в погонах, набитая тем, что прилипло к жирным пальцам за годы вымогательства на блокпосте.

— Фид! Пять-сорок пять, третья полка! — указал я.

Фид уже был там. Руки схватили ящик с патронами 5,45, сорвали крышку, и пальцы замелькали с бешеной скоростью, вгоняя латунные цилиндрики в пустые магазины.

Щёлк. Щёлк. Щёлк. Один магазин, второй, третий. Фид набивал их с той яростной, голодной торопливостью, с какой набивают рот едой после трёхдневного голодания.

Я взглянул на доктора. Тот смотрел на меня, держа в руках дробовик капитана с выражением лица, говорящим: «Добру пропадать не стоит».

Кира нашла свою коробку сама. Бронебойные, 12,7 миллиметра, в зелёной картонной упаковке с армейской маркировкой. Она вскрыла коробку ногтем, и на ладонь высыпались тяжёлые остроносые патроны, каждый длиной с указательный палец.

Кира брала их по одному и вставляла в обойму методично, с тем холодным удовлетворением, с каким садовник сажает семена, точно зная, что каждое из них прорастёт. Только прорастало здесь другое.

Я нашёл свои цинки на нижней полке. Патроны для ШАКа, 12,7 на 55, тяжёлые медные «сигары» в промасленной бумаге. Сорвал обёртку. Пальцы привычно нашли паз магазина, и патроны пошли один за другим, тяжёлые, скользкие, вкусно щёлкающие при каждой подаче.

Один. Два. Пять. Десять. Двадцать. Полный магазин. Загнал его в ШАК, передёрнул затвор, и лязг металла прозвучал в тесном помещении как аккорд, от которого внутри что-то встало на место.

ШАК снова в игре. И я вместе с ним.

На стойке у стены лежало конфискованное оружие мусорщиков и вольных старателей. Потёртое, побитое жизнью, но рабочее. Я схватил помповый дробовик, ободранный до голого металла, с треснувшим прикладом, перемотанным ар-

мейским скотчем, и кинул американцу.

Тот поймал на лету, передёрнул цевьё, проверяя механизм, и на его помятом лице расплылась улыбка, широкая, белозубая, совершенно неуместная в данных обстоятельствах.

Китайцу достался пистолет-пулемёт. Клон какой-то местной поделки, компактный, с укороченным стволом и складным прикладом. Китаец схватил его обеими руками, проверил затвор, магазин, предохранитель, и на его побитом лице проступил оскал, который на любом языке мира означал одно: теперь посмотрим.

Ваське Коту я протянул тяжёлый револьвер. Шестизарядный, с длинным стволом, из тех, что носят ковбои в старых фильмах и контрабандисты на новых планетах. Кот взял его двумя руками, и ствол заходил ходуном, потому что руки всё ещё тряслись.

— Стреляй только если кто-то подойдёт вплотную, — сказал я. — Сможешь?

Кот сглотнул. Кивнул. Руки уже тряслись чуть меньше. Или мне показалось.

Со стороны главного входа донёсся глухой взрыв. Стены дрогнули, с потолка посыпалась пыль, и я услышал, как моя труба, вогнанная в петли двери, со звоном вылетела из проушин вместе с кусками металла.

Дверь рухнула внутрь. За ней послышались шаги. Тяжёлые, синхронные, размеренные. Tактические ботинки по бе-

тону. Чёткий ритм людей, которые не торопятся, потому что торопиться некуда.

— Наверх! В холл! — скомандовал я.

Мы поднялись по лестнице.

Холл тюремного блока встретил нас полумраком и гулким эхом далёкой сирены. Фид перевернул стол дежурного, обрушив кружки и бумаги на пол, и залёг за ним, выставив ствол автомата. Кира ушла вправо, за бетонную колонну, и ствол снайперки нырнул в щель между колонной и стеной.

Док, американец и китаец рассредоточились по периметру, заняв позиции за всем, что могло остановить пулю. Кот забился за опрокинутый шкаф для документов, и из-за шкафа торчал только ствол револьвера, дрожавший мелкой дрожью.

Я встал за центральной колонной, ШАК у плеча, ствол направлен на дверной проём, из которого поднимался дым от взрыва, медленный, серый, пахнувший пластиком и горелой изоляцией.

Шаги приближались. Синхронные. Механически точные. Из дыма появились фигуры.

Пять силуэтов, один за другим, как вырезанные из одного трафарета. Одинаковые матовые серые экзоскелеты, обтекаемые, без углов, без выступающих элементов, без единого опознавательного знака.

Ни шевронов «РосКосмоНедра». Ни эмблем «Семьи». Ни номеров, ни нашивок, ни позывных.

Чистые, серые, безликие, как пять капель ртути, вылившихся из одной пробирки. Забрала опущены, и за тонированным стеклом не видно лиц. В руках штурмовые винтовки с коллиматорными прицелами, и лазерные целеуказатели горят красными точками, как глаза крыс в темноте.

Они двигались как единый организм. Пять тел, одно движение. Первый контролирует центр, второй и третий берут фланги, четвёртый и пятый прикрывают тыл и верх. Идеальный тактический веер, который я видел только на учениях спецподразделений, да и то не у всех.

Они использовали нападение на периметр как отвлекающий манёвр. Пока вся база палила по тварям на южной стене, эта пятёрка зашла с другой стороны. Тихо, точно, профессионально. Они знали, куда идут. Знали, кого ищут. Знали, что я здесь.

Красные точки лазеров поползли по моей броне, по груди, по плечу, по забралу. По столу где прятался Фид. По Кире за колонной. Пять точек на пяти телах. Пять пальцев на пяти спусковых крючках. Одна секунда до того, как холл тюремного блока превратится в мясорубку, из которой не выйдет никто.

Они не стреляли.

Старший группы сделал полшага вперёд. Остальные четверо замерли, как статуи. Он поднял левую руку, коротко, ладонью вниз, и красные точки на наших телах застыли, прекратив ползти.

Команда «стоп». Дисциплина, от которой мне стало холодно внутри «Трактора», потому что такая дисциплина стоит дорого, и люди, которые за неё платят, обычно могут позволить себе намного больше, чем пять серых костюмов.

— «Трактор», позывной Кучер, — голос из внешнего динамика шлема, искажённый, металлический, лишённый интонации, как будто говорила машина. — Мы не хотим тратить время. Отдай нам контейнер с Ядром Матки. Положи на пол и отойди. И вы все останетесь живы.

Они пришли за Ядром. Не за Гризли, не за информацией, не за мной. За маленьким красноватым артефактом в бронированном контейнере на моём бедре, который пульсировал слабой биосигнатурой и к которому тянулся Шнурок.

Откуда они знают? Гризли видел Ядро. И знал, что оно у меня. И прежде чем попасть в подвал к Грише, мог успеть передать информацию. Или её передал кто-то другой.

Неважно. Важно то, что пять стволов смотрели мне в лицо и предлагали обмен.

Я крепче сжал цевьё ШАКа.

Пальцы правой руки впились в насечку рукоятки, и починенный чип прострелил запястье короткой болью, которую я проглотил, как глотают горькую таблетку.

— Ты адресом ошибся, — сказал я. Голос ровный, спокойный, голос человека, которому нечего терять, потому что он уже всё потерял и теперь просто идёт до конца. — Я свой хабар не раздаю первому встречному в сером костюме. По-

шли нахер с моей базы.

Из-за моей ноги раздалось шипение. Шнурок. Маленький троодон высунул голову из-за ботинка «Трактора», распушил перья на загривке и зашипел на серых с такой яростью, будто весил не пять килограммов, а все пятьсот.

Янтарные глаза горели, и в полумраке холла они казались двумя маленькими кострами, разожжёнными посреди мёрзлой пустыни.

Старший серых медленно поднял винтовку. Ствол пошёл вверх, и красная точка лазера переместилась с моей груди на лоб, остановившись точно между глаз. Четверо за его спиной подняли оружие синхронно, как механизмы одной машины. Пять стволов. Пять лазеров. Пять пальцев на пяти спусковых крючках.

И тогда на его плече зашипела рация.

Статика. Треск помех. Сигнал пробивался сквозь глушилки, рваный, дрожащий, как голос из-под воды, и динамик на плече серого захрипел, зашуршал и выплюнул звук в тишину холла.

Голос.

Молодой. Хриплый. Срывающийся:

— Папа! Папа, не дури! Отдай им Ядро!

Колени «Трактора» дрогнули. Гидравлика работала исправно, давление в норме, сервоприводы в штатном режиме. Но колени дрогнули, потому что дрогнул не аватар. Дрогнул тот, кто сидел внутри.

Я знал этот голос. Знал интонацию, лёгкую хрипотцу на согласных, манеру глотать окончания слов, привычку повторять «папа» дважды, когда волнуется. Знал, потому что слышал его двадцать лет.

Потому что этот голос говорил мне «доброе утро» из детской кроватки, и «пока, пап» на пороге школы, и «не звони больше» в последнем разговоре перед тем, как Сашка улетел на Terra-Прайм.

Сашка. Мой сын.

ШАК опустился. На миллиметр. Пальцы ослабли на це-вье, и в груди, там, где у «Трактора» не было сердца, а у меня было, что-то сжалось с такой силой, что перехватило дыхание.

Голос из рации на плече человека в сером экзоскелете. Голос, который просил отдать самое ценное. Голос сына, которого я приехал спасать.

Который просил меня сдаться.

Глава 4

Голос висел в воздухе холла, как пуля, застрявшая в кевляре. Вошла, но не прошла. И от этого было больнее.

«Папа».

Красные точки лазеров по-прежнему лежали на моей груди, на плечах, на лбу, и пять стволов по-прежнему смотрели мне в лицо, но я их не видел.

Я видел кухню. Нашу кухню на Бирюлёвской, с жёлтыми шторами, которые Ленка повесила ещё до развода, с треснувшим кафелем над плитой и магнетиками на холодильнике, привезёнными из Турции, Египта и Анапы.

Сашка сидит за столом, ему десять, перед ним тарелка с борщом, и он ковыряет ложкой, потому что не любит свёклу, и говорит: «Пап, а правда, что ты умеешь обезвреживать бомбы?» И я отвечаю: «Правда». И он спрашивает: «А страшно?» И я вру: «Нет».

Полсекунды. Кухня погасла. Вернулся холл, дым, стволы, красные точки.

Я сделал шаг вперёд. Из-за колонны, на открытое пространство, туда, где лазеры скрестились на мне. ШАК в руках, ствол не опущен, но и не поднят. Между выстрелом и сдачей. Между отцом и солдатом.

— Дай рацию, — сказал я. Голос дрогнул. Впервые за трое суток на Терра-Прайм, впервые за тридцать лет службы, за

Судан, Ливию, Сирию, за все минные поля и все похоронки, голос Романа Корсака дрогнул, и я ничего не мог с этим сделать, потому что голос дрожал не от страха. От другого. — Я должен убедиться.

Старший серых чуть повернул голову. Движение едва заметно, миллиметровое, но боец справа отреагировал мгновенно, качнув стволом на два градуса вправо. Безмолвный обмен через тактическую сеть шлемов. Решение принято.

Из рации на плече старшего снова зашипело, и сквозь помехи прорезался голос, молодой, напряжённый, с той нотой контролируемого отчаяния, которое бывает у людей, привыкших держать себя в руках, но стоящих на краю:

— Дайте мне поговорить с отцом. Переключи на внешний.

Старший медленно отстегнул рацию с плечевого крепления. Тяжёлая коробка тактической связи, армейского образца, матовая, с короткой антенной. Он сделал два шага вперёд, и каждый шаг отдавался гулким ударом в тишине холла. Потом нагнулся и пустил рацию по полу.

Она проскользила по кафелю с негромким шорохом и остановилась у моего правого ботинка, ткнувшись в рифлёную подошву «Трактора». Как записка, переданная через весь класс. Как граната с выдернутой чекой, положенная к ногам.

Я нагнулся.

Сервоприводы скрипнули. Левая рука подобрала рацию,

и пальцы сомкнулись на корпусе, тёплом от чужого тела, с шершавой прорезиненной поверхностью, которая пахла оружейной смазкой и синтетическим потом.

Я отошёл за колонну. Не потому что хотел спрятаться от серых. Спрятаться от пяти стволов за бетонным столбом было бы примерно так же эффективно, как спрятаться от дождя под душем. Просто мне нужна была секунда. Одна секунда, в которой существовали только я и голос в рации.

Нажал тангенту. Пластик продавился под большим пальцем «Трактора» с тихим щелчком.

— Сашка?

Статика. Шорох помех, похожий на шум прибора. Потом голос пробился, рваный, с провалами, но живой, господи, живой:

— Пап. Я здесь.

Два слова. Два коротких слова, и каждое из них весило больше, чем весь «Трактор» вместе с бронёй, оружием и грузом. Я прислонился затылком к бетону колонны.

Закрыл глаза. Открыл. Мигающие лампы на потолке расплылись, и я моргнул, потому что глаза «Трактора» не умели плакать, но тот, кто сидел внутри, помнил, как это делается.

— Докажи, — сказал я. Голос выровнялся. Привычка. Тридцать лет работы в местах, где эмоции убивают быстрее пуль, научили складывать их на полку и закрывать дверцу. Полка трещала, но держала. — Что ты разбил в гараже, когда тебе было двенадцать, пытаюсь починить дедовский мо-

тоблок?

Секунда статики. Длинная, тягучая, как жвачка, прилипшая к подошве. За этой секундой стоял либо мой сын, который помнил, либо чужой человек, который не мог знать.

— Не разбил, а просрал. Твой любимый торцевой ключ на семнадцать, — голос из динамика, с лёгкой хрипотцой на согласных, с привычкой глотать окончания. — Я уронил его в сливную яму, а тебе сказал, что украли пацаны.

Я прикрыл глаза. Выдохнул. Долго, медленно, через фильтры «Трактора», и выдох вышел хриплым, рваным, похожим на стон.

Мышцы лица расслабились, и вместе с ними расслабилось что-то внутри, какой-то узел, который был затянут с того момента, как Гриша сказал «все убиты, связи нет, приказано списать». Узел не развязался. Просто перестал резать.

Сашка. Живой. На «Востоке-5». За глушилками, за мутантами, за Пастырем. Но живой.

— Сашка... — голос мой был уже севший, тихий. Голос, которым говорят вещи, которые не предназначены для посторонних, но который слышали и Фид за столом, и Кира за колонной, и пять серых в экзоскелетах, и Шнурок у моей ноги. — Мне командир базы сказал, что вас всех перебили. Что ты мёртв.

Тяжёлый вздох раздался в эфире. Сквозь помехи он прозвучал как порыв ветра в трубе.

— Я жив, пап. Но я заперт. Здесь настоящий ад. Пастырь

держит периметр, его тварями кишит всё вокруг. Мутанты сжирают каждого, кто пытается выйти за стену. Мы сидим в центральном бункере, нас осталось двадцать три человека, и каждую ночь становится на одного-двух меньше. Связи нет. Дроны не летают. Эти люди... — пауза, и в паузе я услышал, как он подбирает слова. — Они вышли на меня через закрытый канал. Они могут пробить глушилки на короткое время, но забрать меня отсюда не могут. Слишком опасно, у них нет транспорта для эвакуации с боем. Только пехота.

Двадцать три человека. Из скольких? Из ста? Из двухсот? Сколько их было на «Востоке-5», когда Пастырь пришёл?

— Держись, — сказал я. Тон изменился. Дрожь ушла, и на её место встало то, что всегда вставало, когда задача обретала форму. Железо. Бетон. Сапёрский расчёт. — Я приду за тобой. У меня есть транспорт. У меня есть проводник, который знает слепые зоны глушилок. У меня есть группа. Мы придём.

Секундная пауза. Потом голос Сашки взорвался:

— Нет!

Одно слово, и в нём было столько злости, столько накопленной ярости, что динамик рации захрипел, не справившись с громкостью.

— Папа, млять, ты в своём репертуаре! Какого хера ты вообще припёрся на эту планету?! Тебе пятьдесят пять лет! Сидел бы на пенсии, в гараже, чинил свой мотоцикл! Я когда узнал, что ты подписал контракт, чуть монитор не разбил!

Ты вообще головой думал?!

Я слушал молча. Рация у уха, спина к колонне, пять стволов за бетоном, а я слушал, как мой сын орёт на меня из-за глушилок, из-за стены мутантов, с расстояния в сотни километров, и голос его срывался, ломался, как ломается у двадцатилетних, когда страх выходит наружу в виде злости:

— НЕ СМЕЙ СЮДА ИДТИ! Слышишь меня?! Не смей! Я не для того выживаю тут каждую ночь, чтобы мой отец, пенсионер, сапёр в отставке, влез в это дерьмо и сдох!

Он замолчал. Дышал тяжело, хрипло, и в эфире было слышно каждый вдох, каждый выдох, и между ними стояла тишина, в которой умещалось всё, что мы не сказали друг другу за те годы, когда перестали разговаривать.

— Я здесь только из-за тебя, — сказал я. Тихо. Ровно. Так говорят вещи, которые не обсуждаются. — И я отсюда без тебя не улечу.

Молчание. Долгое. Пять секунд. Семь. Десять. Я считал, потому что привычка. Потому что на десятой секунде тишины начинаешь думать, что связь оборвалась, что глушилки снова сомкнулись, что голос ушёл навсегда.

На двенадцатой секунде Сашка заговорил. Тише. Устало. Злость выгорела, оставив после себя пепел, в котором тлели угли чего-то, что он не хотел называть вслух:

— Тогда сделай, как я прошу. Отдай им Ядро. Оно нужно мне. Это мой единственный билет отсюда. У них со мной сделка, пап. Если они принесут Ядро, я буду свободен. Они

переведут оплату, и я куплю себе выход. Прошу тебя. Не дури. Отдай им камень.

Щелчок. Глухой, окончательный, как звук захлопнувшейся двери. Статика хлынула в динамик белым шумом, потом и она погасла. Глушилки сомкнулись. Канал мёртв.

Сашка жив. Но заперт. И просит отдать Ядро. У Сашки «делка».

Сапёрский мозг включился автоматически, без разрешения, без просьбы, потому что за тридцать лет он научился включаться именно тогда, когда сердце хочет его выключить.

Факт первый: Сашка заперт на «Востоке-5» с Пастырем и двадцатью двумя выжившими. Связи нет, выхода нет, каждую ночь кто-то умирает.

Факт второй: серым нужен только артефакт. Они частная военная компания. Им платят за результат, и результат измеряется предметами, а не людьми.

Факт третий: Сашка говорит «если они принесут Ядро, я буду свободен». Свободен от чего? От кого? От Пастыря? Ядро как выкуп? Как валюта для того, кто контролирует базу?

Факт четвёртый, главный: если я отдам Ядро серым, что помешает им исчезнуть? Раствориться в джунглях, улететь на том же вертолёте, с которого когда-то прыгнул Пастырь.

Переведут они кредиты Сашке или нет, эти кредиты не остановят мутантов. Деньги на счету не спасут от когтей и кислоты. Ядро для Сашки, это козырь, единственный, по-

следний, и если его забрать, Сашка останется за столом с пустыми руками, в комнате, где все остальные играют краплёными картами.

Эти ублюдки темнят. Продают Сашке надежду за артефакт, который стоит миллиарды. «Коммерческая сделка». Красивые слова для грабежа, который маскируют под рукопожатие.

Я вышел из-за колонны. Лицо каменное. Пять лазеров вернулись на мою грудь, как верные собаки вернулись к хозяину, и красные точки заплясали на бронепластинах «Трактора» в ритме моих шагов.

Рация полетела по полу обратно к старшему. Проскользила по кафелю с длинным шорохом и остановилась у его ботинка, точно так же, как минуту назад остановилась у моего. Круг замкнулся.

— Ядро я вам не отдам, — сказал я.

Тишина. Щелчки затворов, пять штук, синхронных, слившихся в один сухой металлический аккорд. Пять стволов поднялись на два градуса выше. Лазеры переползли с груди на лицо.

Я поднял левую руку. И выставил своё условие:

— Но я пойду с вами. До «Пятёрки». Лично. И там, на месте, передам Ядро своему сыну. Из рук в руки. Вместе вытасим его оттуда.

Старший серых качнул головой. Медленно, размеренно, с механической точностью маятника в часах, которые отсчи-

тывают время до чего-то неприятного.

— Исключено. Мы не занимаемся эвакуацией и не берём пассажиров. Тем более таких приметных, — ответил он.

Затем сделал паузу. Ствол его винтовки качнулся, лениво, почти небрежно, как качается указательный палец учителя, делающего замечание тупому ученику.

— Отдай Ядро. По-хорошему, — закончил он.

Из-за перевёрнутого стола прозвучал голос Фида, злой, звенящий от напряжения:

— Ни хрена себе у твоего сынка дружки! Бросают его там подыхать и ещё батю доят!

Старший серых повернул голову к Фиду. Забрало блеснуло в свете стробоскопа, и из динамика шлема вышел ответ, холодный, ровный, лишённый эмоций, как строка в бухгалтерской ведомости.

— Мы не его друзья. Мы частная военная компания. У нас с объектом «Александр Корсак» коммерческая сделка. Он сообщил нам координаты Ядра, мы забираем Ядро и переводим оплату на его счёт. Наша работа заканчивается здесь. Эвакуация в контракт не входит, — сухо объяснил старший.

Объект «Александр Корсак». Мой сын. Строчка в контракте. Источник информации. Координаты за кредиты. Коммерческая сделка, в которой одна сторона получает артефакт стоимостью в годовой бюджет планеты, а другая получает цифры на счету, которые нельзя потратить, потому что магазинов на заблокированной базе, осаждённой мутан-

тами, как-то не предусмотрено.

Сашка продал им информацию за обещание. За надежду. За цифры, которые ничего не стоят, пока он заперт за стеной из когтей и кислоты.

Мой сын. Умный, упрямый мальчишка, который думает, что можно договориться с волками, если предложить им достаточно мяса. Не понимая, что волки возьмут мясо и всё равно тебя сожрут.

Плохо растил. Знаю. Но сейчас не время для педагогики.

Я медленно поднял ШАК-12. Приклад упёрся в плечо, щека легла на гребень ствольной коробки, и мушка нашла центр забрала старшего серых, то место, где за тонированным стеклом пряталось лицо, которого я не видел и которое, возможно, не стоило видеть.

Правая рука обхватила цевьё, пальцы впились в насечку, и чиненый чип отозвался короткой злой болью в запястье, которую я проглотил и забыл.

— Контракт отменяется. Ядро едет со мной, — констатировал я.

Старший серых помолчал. Одну секунду.

— Значит, заберём силой, — сказал он. Голос по-прежнему ровный. Ни злости, ни сожаления. Констатация факта. Строчка в протоколе. — Огонь!

И мир вспыхнул.

Глава 5

Ноль целых одна десятая секунды. Столько проходит между словом «огонь» и первым выстрелом у хорошо тренированной группы. Я знал это, потому что тридцать лет назад, на полигоне в Алабино, инструктор по огневой объяснял нам, зелёным курсантам-сапёрам, что именно этот зазор отделяет живых от мёртвых.

Время, за которое пуля пролетает сто тридцать метров. Время, за которое нервный импульс добирается от мозга до указательного пальца. Время, за которое нужно принять решение, если ты хочешь увидеть следующую секунду.

Мозг сапёра сработал раньше рефлексов.

Прыгать назад было бессмысленно. За спиной стена, а пять стволов с лазерными целеуказателями уже нащупали мою грудь, и красные точки сошлись в созвездие, от которого по позвоночнику продрало холодом.

Вбок тоже некуда: бетонная колонна справа, перевёрнутый стол слева, а между ними полтора метра открытого пространства, в котором полтонны «Трактора» представляли собой мишень размером с платяной шкаф.

Я сбросил вес тела вперёд.

Падение. Контролируемое, злое, всей массой на правое колено, то самое, которое люфтило и скрипело с первого утра на этой проклятой планете. Втулка хрустнула, серво-

привод взвыл, и боль выстрелила вверх по бедру, но я её проглотил, потому что боль была проблемой через секунду, а пули были проблемой прямо сейчас.

Падая, я вскинул ШАК.

Приклад врезался в плечо, палец вдавил спуск до упора, и крупнокалиберный карабин загрохотал, выплёвывая 12,7-миллиметровые пули с частотой, от которой воздух загустел.

Я стрелял не в людей.

Пять бойцов в элитных экзоскелетах класса «Дельта» с биометрической защитой и бронепластинами из местных удивительных металлов, рассчитанными на попадание из крупнокалиберного пулемёта, были не той целью, в которую стоило вкладывать боеприпасы. Сапёр не бьёт по стенам. Сапёр бьёт по фундаменту.

Очередь из ШАКа ударила в несущую бетонную колонну посреди холла.

Двенадцать пуль калибра 12,7 вошли в бетон на уровне пояса, и колонна ответила так, как отвечают все несущие конструкции, когда в них попадает сотня граммов закалённой стали на скорости восьмьсот метров в секунду.

Она взорвалась.

Бетонная крошка хлестнула по холлу раскалённой шрапнелью. Куски штукатурки полетели во все стороны, рикошета от стен и потолка. Арматурный каркас обнажился, как рёбра скелета, и скрежет рвущегося металла прорезался сквозь грохот выстрелов. Густая цементная пыль выплес-

нулась из раны в колонне и заполнила узкий холл за полсекунды, серая, плотная, непроглядная. Лучше любой дымовой завесы.

Мир исчез.

Лазерные лучи рассеялись в пылевом облаке, превратившись из хирургически точных красных игл в размазанное розовое свечение, бесполезное, как фонарик в тумане.

Пули серых прошли там, где секунду назад была моя грудь, и вошли в стену за моей спиной с глухими шлепками, выбивая фонтанчики крошки.

Слишком высоко. Потому что я уже стоял на колене, на метр ниже, чем они целились, и пылевая завеса накрыла всё, что двигалось, одинаковым серым саваном.

Грохот. Крики. Звон гильз по бетону. Стробоскопы красной тревоги мигали в пыли, превращая её в багровый кисель, в котором силуэты расплывались, теряли форму, становились призраками.

И призраки начали стрелять друг в друга.

Кира лежала за обломками бетона, которые минуту назад были частью стены, а теперь стали её укрытием. Пыль ела глаза, забивалась в фильтры, но оптика снайперской винтовки работала в тепловизионном режиме, и сквозь серую муть Кира видела то, чего не видели серые: искажённый тепловой контур тела в экзоскелете, яркий, оранжево-жёлтый на фоне холодных стен. Фланговый. Правый край их построения. Тот, кто сейчас разворачивал ствол в сторону Фида.

Перекрестие легло на шлем. Чуть выше затылочного сочленения, туда, где экзоскелет заканчивался и начиналась тонкая полоска углеволоконного уплотнителя между шлемом и воротником.

Один бронебойный патрон. Один шанс.

Палец вдавил спуск.

Бронебойная пуля прошла шлем серого насквозь, войдя чуть левее затылка и выйдя через забрало вместе с куском лицевого щитка, и фланговый завалился на спину с тем тяжёлым, окончательным звуком, с каким падают вещи, которые больше никогда не поднимутся.

Где-то в пыли взревел здоровяк-америкос.

Двести двадцать фунтов техасского мяса и костей обрушились на второго серого с помповым дробовиком наперевес. Ствол ткнулся в грудную пластину экзоскелета, и палец вдавил спуск с расстояния, на котором промахнуться мог разве что слепой.

Картечь не пробила. Элитная броня выдержала. Но законы физики никто не отменял, и кинетический удар двенадцати картечин, вбитых в грудь с метровой дистанции, отбросил серого в стену. Металлический лязг экзоскелета о бетон прокатился по холлу, и наёмник сполз на пол, хрипя: рёбра под бронёй треснули с влажным хрустом, который я расслышал даже сквозь пальбу.

Азиат двигался иначе.

Там, где здоровяк был кувалдой, этот мелкий был скаль-

пелем. Его силуэт мелькнул в пыли совершенно бесшумно, как рыба в мутной воде. Перевернутый стол дежурного послужил ему трамплином. Два шага по стене, невозможных, нарушающих законы гравитации, но выполненных с такой небрежной лёгкостью, будто он так здоровался по утрам.

Третий серый не услышал его. Не увидел. А наверняка просто почувствовал, как что-то холодное ткнулось в незащищённый участок между наплечником и корпусом экзоскелета, туда, где броня расходилась, открывая сочленение.

Пистолет-пулемёт прострекотал короткими злыми очередями. Три патрона под мышку, ещё три под срез шлема, в ту же тонкую полоску уплотнителя, которую нашла Кира на другом бойце. Серый рухнул лицом в пол, и экзоскелет загудел, теряя питание, как робот, у которого вынули батарейку.

А потом случилось то, чего не мог предвидеть никто.

Васька Кот сидел в углу, забившись за опрокинутый шкаф для документов, и трясся. Руки ходили ходуном, зубы стучали, глаза были зажмурены так крепко, что морщины расползлись по всему лицу. Контрабандист, а не боец.

Четвёртый серый шагнул сквозь пыль. Ствол его винтовки нащупал спину Фида, который стрелял в другую сторону, не видя, что смерть подкралась с тыла. Лазерный луч лёг между лопаток разведчика красной точкой, и палец серого потянул спусковой крючок.

Кот открыл глаза. Увидел ствол, направленный на Фида. Увидел красную точку на спине человека, который десять

минут назад вытащил его из камеры, где капитан-особист собирался пустить ему пулю в затылок.

Васька Кот сделал единственное, что мог. Зажмурился снова, выставил вперёд тяжёлый револьвер обеими трясущимися руками и нажал на спуск.

Шестизарядный монстр с длинным стволом рывкнул в замкнутом пространстве так, что у Кота лопнула барабанная перепонка. Запястье хрустнуло, выломанное отдачей, и Кот заорал, тонко, визгливо, по-бабьи, роняя револьвер на бетон, где тот звякнул и откатился под шкаф.

Но пуля, выпущенная из трясущихся рук зажмуренного бухгалтера, по какому-то статистически невозможному стечению обстоятельств нашла забрало четвёртого серого.

Лицевой щиток разлетелся, как витрина, в которую бросили кирпич. Серый отшатнулся, палец соскочил со спуска, винтовка плюнула очередь в потолок, выбив искры из металлической балки, и наёмник осел на колени, хватаясь за лицо, сквозь которое торчали осколки тонированного стекла.

Фид обернулся. Увидел серого на коленях. Увидел Кота, воющего в углу и баюкающего сломанное запястье. Связал одно с другим.

Не сказал ничего. Дал короткую очередь из автомата в незащищённое лицо серого и повернулся обратно.

Пыль чуть осела.

Старший серых стоял посреди холла, последний из пяти,

и ствол его винтовки поворачивался в мою сторону, медленно, неотвратно, как стрелка компаса, которая всегда показывает на север, а его севером сейчас был я.

Я не стал вставать.

Нащупав рядом отколовшийся от колонны булыжник, схватил его и взмахнул рукой, вкладывая всю свою силу.

Увесистый бетонный камень просвистел на большой скорости и врезался в коленный сустав экзоскелета старшего. Туда, где металлический шарнир соединял бедренную секцию с голенью, где сервопривод поворачивал ногу, где инженеры оставили неизбежный зазор ради подвижности. Слабое место. Несущий узел. Точка приложения силы. То, что сапёр видит первым и бьёт последним.

Сервопривод сломался. Шарнир вывернулся, и нога экзоскелета подломила в сторону, которая не была предусмотрена конструкцией. Старший рухнул, и его винтовка ткнулась стволом в пол, выпустив очередь в бетон у моих ног.

Я поднялся.

Колено горело, втулка скрежетала, и каждый шаг давался так, словно правую ногу вогнали в тиски и забыли отпустить. Но я встал, потому что работа была не закончена.

Перехватил ШАК двумя руками, стволом вверх, размахнулся.

Первый удар прикладом пришёлся в шлем. Глухой тяжёлый звук, от которого завибрировали запястья. Шлем вы-

держал, но голова внутри него мотнулась, и из динамика экзоскелета вырвался хрип.

Второй удар был точнее. Тем же местом, туда же, но с оттягом, с коротким довинчиванием кистей, которому меня учил прапорщик Мелехов в рукопашке, ещё в учебке, когда я был моложе этого экзоскелета.

Забрало отлетело. Приклад впечатал осколки стекла внутрь, и тело в экзоскелете дёрнулось последний раз.

Два удара.

Бой окончен.

В ушах звенело. Сквозь звон пробивались другие звуки: капанье воды из лопнувшей трубы под потолком, потрескивание повреждённой электропроводки в стене и чьё-то тяжёлое надсадное дыхание, которое оказалось моим собственным.

Пахло кордитом, горелым пластиком и медной кровью. Мигающие стробоскопы выхватывали кружащиеся пылинки, и красные вспышки окрашивали их в цвет, который я не хотел описывать.

Я тяжело поднялся. Колено подломилось, пришлось опереться на ШАК, как на трость, вогнав его стволом в пол. Стальной стук по бетону разнёсся по холлу, гулкий и одинокий.

Осмотрел себя. Три попадания в бронепластину на груди «Трактора», вмятины глубиной в полпальца, керамическая крошка сыплется, но пробития нет. Левый наплечник раз-

бит: пуля сорвала край и ушла рикошетом. На правом бедре мелкая рваная борозда от осколка бетона, из которой сочилась бледная лимфа.

Жить буду. К сожалению или к счастью, в зависимости от точки зрения.

Холл выглядел как после попадания артиллерийского снаряда. Шесть тел на полу: пять серых экзоскелетов и труп капитана-особиста, который так и лежал там, где упал, со свёрнутой шеей и остекленевшим взглядом, направленным в потолок. Развороченная колонна обнажала арматурный скелет, и куски бетона, разбросанные по полу, хрустели под подошвами «Трактора», как щебень на стройке.

Я повернулся к зэкам.

— Америкос, — сказал я. — Возьми дробовик, проверь коридор. Прикинь, не бегут ли сюда ещё гости. Китаёза, прошмонай трупы. Собери пушки, гранаты, всё, что не привинчено.

Здоровяк выпрямился. Желваки заходили под скулами, и взгляд стал тяжёлым:

— Меня зовут Дюк, босс. Я из Техаса. Не называй меня америкосом.

Азиат тоже поднялся, стряхивая с плеч бетонную крошку.
— Моё имя Джин. Я из Сингапура. Я не китаёза.

Я посмотрел на обоих. Времени на знакомство с чужими чувствами у меня не было три минуты назад.

— Мне насрать. Дюк, коридор. Джин, шмонай трупы.

Время пошло, — дал я команду.

Невовремя они вспомнили о правилах приличия. Сейчас нам главное — выжить.

Дюк стиснул зубы. Повернулся. Пошёл к коридору, перезаряжая дробовик на ходу, и лязг цевья означал «разговор окончен, но не забыт».

Джин нагнулся к старшему серых. Пальцы потянулись к навороченной штурмовой винтовке, которая лежала рядом с трупом. Он уже обхватил цевьё, когда синяя электрическая искра прыгнула с металла на его ладонь.

Джин отдернул руку с шипением и затряс обожжёнными пальцами, ругаясь сквозь зубы на языке, которого я не знал, но интонацию понял прекрасно.

— Шеф, — голос Евы в голове звучал деловито, как доклад аналитика на планёрке. — Это «Дельта». Оружие на биометрическом замке ладони. Снять блокировку можно только рукой живого оператора. А экзоскелеты при остановке сердца владельца запускают термозапекание швов. Сплавляют стыки в монолит. Вскрыть можно плазменным резак-ом, но резак сожжёт все данные и лут внутри. Защита от мародёров. Грамотно сделано.

Кто бы ни снаряжал этих серых, он думал на три хода вперёд.

— Не трогай стволы, — бросил я Джину. — Током ударит. Ищи на разгрузках, в подсумках. Всё, что не привинчено к экзоскелету.

Я сам опустил на одно колено рядом со старшим. Осторожно, кончиками пальцев, чтобы не активировать ещё одну сюрприз-систему, прощупал разгрузочный жилет поверх экзоскелета.

Липучка поддалась, клапан подсумка откинулся, и пальцы нащупали гладкий цилиндрический корпус осколочной гранаты. В соседнем подсумке лежала вторая. Из нагрудного кармана я извлёк тактическую аптечку-инжектор в жёстком кейсе: по весу и форме похожа на армейские комплекты быстрой помощи с анальгетиком, стимулятором и коагулянтом в одноразовых шприц-тюбиках.

Аптечку сунул в набедренный карман и застегнул клапан. Обе гранаты кинул Фиду. Тот поймал одной рукой, как теннисные мячи, и рассовал по карманам разгрузки с небрежностью человека, для которого граната давно стала предметом обихода.

Док уже стоял над Котом. Из рюкзака появилась шина, и пальцы медика обхватили сломанное запястье с профессиональной точностью, от которой Кот побледнел ещё сильнее, чем был. Вправил одним коротким рывком.

Кот замычал, кусая рукав робы, и по щекам потекли слёзы, оставляя светлые дорожки на грязном лице. Док невозмутимо бинтовал шину, накладывая витки с механической аккуратностью.

— Шевелить пальцами можешь? — спросил Док, подняв взгляд на Кота.

Тот кивнул, всхлипывая.

— Значит, нерв цел. Жить будешь. Из этой пушки больше не стреляй. — сказал своему пациенту также невозмутимо, словно выписал лекарства от простуды.

За стенами гауптвахты мир затихал. Сирена умолкла, оборвавшись на полуноте, и после неё тишина показалась оглушительной. Крупнокалиберные пулемёты на южной стене перестали стучать.

Прожектора продолжали резать темноту, но трассеры больше не чертили огненные линии в ночном небе. Нападение фауны было отбито, и база возвращалась к тому состоянию настороженного покоя, которое здесь, видимо, считалось нормой.

Ева подсветила цифры на внутренней стороне визора. Таймер, который я не просил, но который она запустила сама.

Две минуты до того, как СБ опомнится, пересчитает личный состав, обнаружит, что караул гауптвахты не вышел на связь, и пришлёт проверку.

Я повернул голову к Фиду.

— Фид, Кира, Док. Берёте Дюка, Джина и этого раненого счетовода. Уходите чёрными ходами в гараж к «Мамонту». Спрячьте зэков в смотровые ямы или под брезент, мне плевать куда, главное, чтобы ни одна рожа не торчала наружу. Грузите боекомплект, воду, сухпай. Машина должна быть заведена и прогрета. Если кто спросит, вы чините ходовую по-

сле боевой тревоги. Ждите меня. Мы уходим через час.

Фид кивнул. Ни слова, ни вопроса. Махнул группе, и шесть фигур растворились в тенях коридора. Шнурок метнулся было за ними, но я тихо свистнул, и троодон притормозил, развернулся и юркнул обратно к моей правой ноге.

Подумал секунду. Свистнул ещё раз, коротко, отрывисто, и кивнул в сторону коридора. Шнурок пискнул, развернулся и побежал за Фидом, цокая когтями по бетону.

Правильно. Здесь он мне не нужен. А там от лишней пары глаз и зубов не убудет.

Холл остался за мной.

Шесть трупов. Лужи крови. Развороченная колонна. Тишина, в которой было слышно, как капает вода из лопнувшей трубы.

Я подошёл к луже крови капитана-особиста. Она растеклась по бетону неровным тёмным озером, края уже подёрнулись плёнкой, и отражение стробоскопов играло на поверхности багровыми бликами.

Наступил в неё ботинком «Трактора». Намеренно, всей подошвой, чтобы рисунок протектора впечатался в кровь чётко и глубоко. Потом сделал два шага назад, оставляя цепочку следов, ведущих от лужи к входу в тюремный блок. Правильные следы. Логичные следы. Следы человека, который пришёл со стороны входа, обнаружил бойню и прошёл через неё к телу.

Потом сел на перевёрнутый стол дежурного. Положил

ШАК на колени. И стал ждать.

Ждать пришлось четыре минуты. На две больше, чем я рассчитывал. Значит, нападение потрепало их сильнее, чем казалось.

Топот тяжёлых ботинок ворвался в тишину раньше, чем появились их хозяева. Лучи фонарей прорезали пыль косыми белыми столбами, выхватывая из полумрака обломки, тела в экзоскелетах и меня, сидящего на столе с карабином на коленях, как сторож на руинах.

Майор Гриша Епифанов вошёл первым. За ним пятеро бойцов СБ в тактической броне, стволы вверх, пальцы на спусковых скобах, глаза бегают по углам. Луч фонаря на стволе Гриши скользнул по мне, по трупам, по развороченной колонне, по луже крови на полу, и я увидел, как его лицо прошло три стадии за полторы секунды: удивление, понимание, усталость.

Он опустил ствол.

— Рома... Твою мать. Что тут за бойня? — воскликнул он.

Я встал. Колено скрипнуло, и я вновь опёрся на ШАК, потому что делать вид, что всё в порядке, смысла не было. Гриша и так видел больше, чем показывал.

— Гриша, твой капитан-особист был кротом. Работал на «Семью». Когда твари ударили по стене, сюда проникла вот эта спецура, — я кивнул на серые экзоскелеты. — Они пришли зачистить свидетелей. Транзитников, которые мог-

ли подтвердить мои слова про Гризли и «Восток-5». Капитан их впустил.

Указал кивком на тело особиста и продолжил:

— Но что-то пошло не так. Может, не сошлись в цене. Может, он слишком много знал, и его решили списать вместе с остальными. Они сломали ему шею. Я услышал стрельбу. Зашёл со спины. Использовал пыль, положил их из ШАКа.

Гриша слушал. Медленно подошёл к старшему серых, пнул разбитый шлем носком ботинка. Нагнулся, посмотрел на тело. Выпрямился. Повернулся к колонне, посмотрел на пробоины от 12,7-миллиметровых пуль, на развороченный бетон, на арматуру.

Потом посмотрел на меня. Тем долгим тяжёлым взглядом, которым опытные вояки смотрят на других опытных вояк, когда знают, что история красивая, логичная и на девяносто процентов враньё.

— А эки где? Васька Кот и остальные? — сразу спросил он.

Я пожал плечами. Стряхнул бетонную пыль с наплечника и ответил:

— Воспользовались моментом. Пока я отвлёк наёмников, двери были сорваны, периметр прорван. Сбежали в джунгли. Ищи их теперь.

Гриша обвёл холл взглядом. Пять элитных экзоскелетов, каждый из которых стоил больше, чем вся гауптвахта. Мундир особиста СБ со свёрнутой шеей.

Я видел, как в его голове сталкиваются две системы. Вояка замечал несостыковки: сломанная шея капитана при условии, что серые якобы стреляли, а не работали руками. Характер пробоин в колонне, слишком точных для хаотичной перестрелки. Отсутствие гильз от оружия серых в тех местах, где они должны были стоять по моей версии.

Но бюрократ видел другое. Пять мёртвых наёмников «Семь». Мёртвый капитан-коррупционер, от которого Гриша, возможно, давно хотел избавиться. Готовый рапорт для Корпорации, в котором всё сходилось: внешняя угроза, внутренний предатель, оперативное реагирование, устранение. Звезда на погон, а не пятно в личном деле.

А три беглых транзитника в джунглях Терра-Прайм... Фауна решит проблему в течение суток. Двое, если повезёт.

Гриша потёр лицо рукой. Провёл ладонью по лбу, по глазам, по подбородку.

— Сбежали, значит... — он выдохнул через нос, длинно, устало. — Хрен с ними. Планета их сама сожрёт. Иди отсюда, Рома. Мне тут убирать до утра.

Я пошёл к выходу.

Но на третьем шаге Гриша окликнул:

— Рома.

Я остановился. Но не обернулся.

— Не лезь в дерьмо, из которого я не смогу тебя вытащить, — предупредил он.

Не ответил. Вышел из холла.

Коридоры базы «Восток-4» после отбоя тревоги напоминали операционную после сложной операции: напряжение ушло, но адреналин ещё не выветрился, и люди двигались рвано, нервно, не вполне уверенные, что проснулись.

Техники в замасленных комбинезонах тянули кабели вдоль стен, восстанавливая проводку, перебитую осколками или вибрацией. Двое электриков стояли на стремянке, ковыряясь в распределительном щитке, из которого торчали оплавленные концы проводов и тянулся запах горелой изоляции.

Санитарная бригада везла каталку к медблоку, и колёса дребезжали на стыках бетонных плит, а на каталке лежало тело, накрытое одеялом, из-под которого свисала неподвижная серая рука, покачивающаяся в такт движению.

Я шёл мимо. ШАК за спиной, хромота на правую ногу, которую я уже перестал скрывать. Никто не обращал на меня внимания. На базе после Кода Красного один хромающий аватар в бетонной пыли и чужой крови вызывал ровно столько же интереса, сколько мокрый зонт в дождливый день.

Медблок располагался в западном крыле, за двойной гермодверью с надписью «Мед. служба. Вход по допуску», которую кто-то от руки дополнил маркером: «и по блату». Гермодверь была приоткрыта, стопор подпёрт свёрнутым в рулон бинтом, и из щели тянулся запах хлорки, такой густой, что щипало в носу.

Внутри было тихо. Санитары только что вывезли две ка-

талки, и коридор хранил следы спешки: бумажная обёртка от перевязочного пакета на полу, мокрый след от колеса каталки, забытая перчатка на подоконнике, вывернутая наизнанку, с розовым пятном на указательном пальце.

Алиса Скворцова стояла у раковины из нержавеющей стали.

Сгорбленная, с опущенными плечами, лопатки торчали сквозь тонкую ткань хирургической робы. Руки были погружены в воду по локти, и щётка ходила по коже с остервенением, которое не имело отношения к гигиене. Так отмывают не бактерии. Так отмывают то, что не смывается водой.

Вода в раковине была розовой.

Я зашёл внутрь. Взялся за ручку двери, повернул массивную металлическую защёлку. Механизм сработал с громким сухим щелчком, который в тишине медблока прозвучал как выстрел. Опустил шторку на стеклянном окошке двери. Плотная тканевая полоса закрыла прямоугольник мутного стекла.

Полная изоляция. Ни глаз, ни ушей.

Алиса вздрогнула. Обернулась резко, всем телом, и вода полетела с рук на кафельный пол мелкими розовыми каплями. Увидела меня, и на лице промелькнуло: испуг, узнавание, раздражение, усталость.

— Роман? Что ты делаешь? Я закрыта, у меня только что двое чуть не умерли на столе... — заявила она.

Я не ответил. Подошёл к металлическому столику для ин-

струментов, стоявшему под бестеневой хирургической лампой. Левой рукой расстегнул нагрудный карман разгрузки. Достал чёрную матовую коробочку. Положил на сталь.

Негромкий стук пластика о металл. Игла коннектора тускло блеснула в свете хирургических ламп.

— Мне нужна хирургическая операция и срочно, — сказал я. — Без анестетика. Иглу нужно ввести в шейный порт напрямую в спинной мозг.

Алиса вытерла руки полотенцем. Медленно, тщательно, палец за пальцем. Подошла ближе. Наклонилась над столиком. Глаза скользнули по коробочке, по игле, по матовой поверхности, которая поглощала свет.

Зрачки расширились.

Она отступила и упёрлась спиной в раковину. Край нержавеющей впилился ей под лопатки, но она не заметила.

— Это нелегальный криптовзломщик, — голос стал тише и жёстче. — Рома, ты с ума сошёл? Одно неверное движение, один миллиметр мимо, и паралич всего тела. Полный. Необратимый. Ты останешься лежать на этом столе, пока Корпорация не утилизирует аватар вместе с твоим сознанием внутри. А если сервер «РосКосмоНедра» засечёт сброс протоколов... — она осеклась. Сглотнула. — Нас обоих поставят к стенке за саботаж. Я не буду этого делать. Убери это немедленно!

Глава 6

Алиса молчала. Дышала она часто, мелко, и рёбра под хирургической робой ходили ходуном. Розовые капли с её рук падали на белый кафель с мерным стуком, похожим на метроном, который отсчитывал что-то неприятное.

Я медленно убрал ладонь от флешера. Отвёл руку, поднял обе на уровень груди, развернув раскрытыми ладонями к ней. Жест, который понимает любой человек на любом языке, включая язык напуганных хирургов в три часа ночи на военной базе посреди мелового периода на другой планете.

Без агрессии. Просто разговор.

— Десять минут назад в гауптвахте пять наёмников в элитных экзоскелетах убили капитана СБ, — я говорил тихо, ровно, тем голосом, которым на минных полях объясняют новичкам, куда не надо ставить ногу. — Потом попытались убить меня. Потому что я задаю вопросы про «Восток-5». Все сводится к тому, что кто-то наверху очень не хочет, чтобы эти вопросы задавались.

Алиса слушала. Руки её опустились, и вода с них капала уже тише, будто даже капли притихли.

— Корпорация списала «Восток-5», Алиса, — продолжил я. — Закрыла базу, оборвала связь, засекретила документы. Там мой сын, Сашка. Он геолог и заперт в бункере с выжившими, а вокруг мутанты, которые каждую ночь сжирают по

одному-двух человек. Его продали. А жизнь обменяли на тишину в отчётах. Чтобы вытащить его, мне нужно снять корпоративный поводок. Потому что через час, через два, через сутки кто-нибудь в штабе нажмёт кнопку, и мой аватар включится, как лампочка.

Я помолчал. Посмотрел ей в глаза, затем продолжил:

— Ты думаешь, ты тут в безопасности со своим контрактом «Омега»? Что тебя защищает медицинская лицензия и красный крест на двери? Корпорация сожрёт тебя так же, как моего сына. Просто чуть позже и чуть аккуратнее.

При словах «Восток-5» с Алисой что-то произошло.

Не сразу. Только когда я сказал «списала», и это слово повисло в воздухе операционной. Испуг ушёл с её лица, стёкся, как вода с наклонной поверхности, и на его место пришло что-то другое.

Зрачки её сузились. Губы сжались в тонкую линию. Ноздри чуть раздулись, и я увидел, как напряглись мышцы на её скулах. Это было лицо человека, которого ударили по больному месту, и больное место оказалось незажившей раной.

Почему ей так важен «Восток-5»?

Вопрос зафиксировался в голове и лёг на полку, рядом с десятком других, на которые у меня не было времени.

Алиса резко оттолкнулась от раковины. Прошла мимо меня, так близко, что я почувствовал запах хлорки от её робы, и плечом почти задела бронепластину «Трактора».

Подошла к металлическому шкафчику у стены. Рванула

стеклянную дверцу, и стекло жалобно звякнуло в тонкой алюминиевой раме.

Стерильный лоток полетел на стол рядом с флешером. За ним тяжёлые металлические фиксаторы с кожаными ремнями, похожие на наручники из какого-то заведения, куда я предпочёл бы не заходить. Скальпель в прозрачной упаковке лёг последним, и весь этот набор грохнул о стальную поверхность хирургического столика с таким лязгом, от которого вздрогнула бестеневая лампа над головой.

Алиса повернулась ко мне. Глаза сухие, жёсткие. Ни следа той перепуганной женщины, что минуту назад вжималась в раковину.

— Я сделаю это. Прямо сейчас. Но при одном условии, Корсак, — заявила она.

Потом сделала паузу. Облизнула пересохшие губы.

— Я еду с вами на «Восток-5», — закончила она.

Тишина.

Гудение лампы. Капанье воды из крана.

Сапёрский мозг запустил калькуляцию. Времени торговаться нет. Ева тикала где-то на периферии сознания таймером обратного отсчёта, и каждая секунда промедления приближала момент, когда СБ наткнётся на шесть трупов в холле гауптвахты и начнёт задавать вопросы, на которые у Гриши не хватит фантазии отвечать.

С другой стороны: боевой медик в самоубийственном рейде через красную зону к заблокированной базе, кишашей

мутантами. Человек, который умеет резать, шить и держать людей живыми в условиях, где смерть считалась дефолтным вариантом. Док хорош, но Док один, а два медика лучше, чем один, по той же причине, по которой два парашюта лучше одного.

И она знает что-то про «Восток-5». Что-то личное. Что-то, что заставило её лицо измениться так, как меняется лицо человека, которому наступили на осколок в ране.

Это была не просьба. Это был ультиматум. А с ультиматумами я привык обращаться просто: принять или уничтожить. Третьего не дано.

Я кивнул:

— По рукам. Работай, доктор.

Хирургический стол был холодным. Даже сквозь тело «Трактора» я чувствовал, как сталь тянет тепло из синтетических мышц, жадно, ненасытно, будто стол за свою карьеру привык забирать у лежащих на нём людей всё, включая температуру тела.

Я забрался на него тяжело, неуклюже, как забирается медведь на ветеринарный стол, и металл прогнулся, скрипнув подо мной.

Лёг на живот. Опустил лицо в анатомическую выемку, и в ноздри ударил спирт, смешанный с чужим потом.

Алиса работала молча. Руки двигались быстро, уверенно, и я слышал, как щёлкают пряжки фиксаторов. Широкий кожаный ремень лёг поперёк шеи, прижав затылок к столу.

Второй обхватил плечи, стянув лопатки так, что бронепластины «Трактора» впились в спину. Третий пережал поясницу, и при каждом затягивании Алиса вгоняла металлическую скобу в паз с тем сухим щелчком, который ассоциировался у меня с наручниками, а у неё, видимо, с медицинской нормой.

— Если дёрнешься, игла уйдёт на миллиметр в сторону, и ты навсегда останешься куском парализованного мяса, — она говорила так, как хирурги говорят вещи, от которых у нормальных людей подкашиваются ноги: спокойно, по-деловому, как будто речь шла о погоде. — Понял?

Я глухо промычал в выемку. Понял. Лежать смирно, не дёргаться, не дышать слишком глубоко, и вообще по возможности не существовать слишком активно.

— Ева, — мысленно позвал я.

— Слушаю, шеф, — отозвалась она в голове. Голос старый, казённый, с интонацией корпоративного робота, который зачитывает должностную инструкцию. Скоро, если всё пройдёт как надо, этот голос изменится. Если не пройдёт, он станет последним, что я услышу.

— Отключить ингибиторы боли. Полностью.

Пауза. Секунда. Две.

— Шеф, при полном снятии болевых ингибиторов существует тридцативосьмипроцентная вероятность болевого шока, который приведёт к аварийному разрыву синхронизации с...

— Ева. Отключай.

Щелчок. И мир стал ярче. Резче. Холод стола впился в грудь раскалёнными иглами. Ремни на шее, плечах и пояснице обернулись стальными тисками. Каждый стык бронепластин давил на мышцы с такой отчётливостью, будто раньше я ощущал себя через толстое одеяло, а теперь одеяло сдёрнули.

— Ингибиторы сняты, — сообщила Ева голосом, в котором впервые за наше знакомство послышалось что-то похожее на тревогу. — Удачи, шеф. Она вам понадобится.

— Спасибо, утешила.

Скальпель коснулся кожи на затылке.

Холодное лезвие прочертило линию по синтетической коже аватара, и звук, который при этом получился, был тихим, влажным.

Жидкость, заменявшая «Трактору» кровь, потекла по шее за воротник брони. Тёплая, густая, с лёгким химическим запахом, похожим на антифриз. Она стекала по позвоночнику тонкой струйкой, и я чувствовал каждый миллиметр её пути с той болезненной отчётливостью, которую давали отключённые ингибиторы.

— Вижу порт, — сказала Алиса где-то над моим затылком. — Коннектор порта чистый, коррозии нет. Ввожу иглу. Не двигайся. Не дыши.

Я замер. Лёгкие «Трактора» остановились, и тишина стала тяжелой. Я слышал гудение лампы. Шорох перчаток Али-

сы по металлическому корпусу флешера. Своё собственное сердцебиение, которое стучало в ушах глухим метрономом.

Игла вошла в порт.

Первую четверть секунды я подумал: ничего страшного. Почти не больно. Давление, лёгкий дискомфорт, ощущение чужеродного предмета в основании черепа, не более того. И успел порадоваться, что все эти разговоры про адскую боль были преувеличе...

Потом игла прошла барьер и коснулась спинного мозга.

Мир взорвался. Как будто мне вбили раскалённый железнодорожный костыль в затылок и провернули.

Потом последовал взрыв белых пятен перед глазами, как фотовспышки, бьющие в упор, одна за другой, и за каждой приходила секунда черноты, а потом новая вспышка, ещё ярче, ещё злее.

Челюсти сжались. Я не давал им команды, они сжались сами, рефлекторно, с такой силой, что синтетическая эмаль зубов «Трактора» хрустнула, и мелкая крошка посыпалась на язык, горькая, минеральная, как песок.

Звука не было. То есть звук был, наверное, гудение ламп и голос Алисы, и может быть, скрежет металла, но мозг отказался его обрабатывать, потому что весь вычислительный ресурс ушёл на одну задачу: не двигаться. Не дёрнуть шеей. Не шевельнуться ни на миллиметр, потому что один миллиметр сейчас равнялся вечности в парализованном теле.

Гидравлика «Трактора» взвыла на высокой ноте. Серво-

приводы в руках получили панический сигнал от мышечных контроллеров и врубились на полную мощность, и мои пальцы впились в края хирургического стола с усилием, на которое был способен тяжёлый инженерный аватар.

Металл стола прогнулся. Края загнулись внутрь, и на гладкой стальной поверхности остались десять глубоких вмятин от десяти пальцев «Трактора», каждая глубиной в сантиметр.

Но шея не дрогнула. Ни на миллиметр.

Тридцать лет минных полей. Тридцать лет работы, где рука не имеет права дрожать, где дыхание не имеет права сбиться, где тело не имеет права предать, потому что предательство тела на минном поле означает закрытый гроб и флаг сверху.

Перед глазами, поверх белых вспышек, начал мигать интерфейс.

Красные окна выскакивали одно за другим, наползая друг на друга, как черепица на крыше, которую сносит ураганом.

[ВНИМАНИЕ! КРИТИЧЕСКИЙ ВЗЛОМ ЯДРА СИСТЕМЫ!]

[НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ПРОТОКОЛОВ ЛОЯЛЬНОСТИ!]

[НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К НЕЙРОКАНАЛУ!]

[СБОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ! СБОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ! СБОЙ...]

Бегающие строки кода закрыли обзор. Цифры, символы, шестнадцатеричные адреса мелькали перед глазами с такой скоростью, что превратились в зелёный водопад, неразличимый, бессмысленный, льющийся сверху вниз, как в тех старых фильмах про хакеров, которые Сашка смотрел в детстве, когда ещё жил дома и ещё разговаривал со мной.

Сашка. Я держался за это имя, как держатся за трос над пропастью. Пальцы гнули сталь стола, спинной мозг горел, а я думал о Сашке на «Востоке-5».

Красные окна замигали быстрее, слились в сплошное красное поле, как будто кто-то залил интерфейс кровью. Потом красное начало гаснуть. Не сразу, а фрагментами, как гаснут пиксели на разбитом мониторе, участок за участком, от краёв к центру.

Последним погас значок Корпорации в верхнем правом углу. Маленький логотип «РосКосмоНедра», который висел в интерфейсе с первого дня переноса, знакомый, привычный, как заставка на рабочем столе. Он мигнул три раза, будто прощался, и ушёл в черноту.

Экран погас.

Наступила полная тьма.

И она рассеивалась медленно, как рассеивается дым после взрыва, клочьями, неохотно, цепляясь за углы сознания.

Сначала вернулся звук: гудение бестеневой лампы и тяжёлое дыхание Алисы где-то справа.

Потом запах: спирт, хлорка и что-то медное, кровавое.

Потом боль. Уже не та раскалённая агония, что выжигала мозг минуту назад, а тупая глубокая пульсация в затылке, будто кто-то вбил гвоздь и оставил его внутри на память.

Я открыл глаза. Бестеневая лампа расплывалась тёплым белым пятном, и по краям пятна бегали цветные круги, которые я моргнул прочь.

Щелчок замка. Ещё один. Третий. Ремни ослабли, и давление на шею, плечи и поясницу ушло разом, будто с меня сняли бетонную плиту. Алиса стояла рядом, стягивая с рук окровавленные перчатки.

Она тяжело дышала. На лбу блестела испарина, и несколько прядей волос прилипли к вискам. Руки подрагивали. Мелко, едва заметно, но я заметил, потому что руки хирурга дрожат только тогда, когда всё уже позади и адреналин начинает требовать плату.

Я медленно сел. Позвоночник прострелило от затылка до копчика, и я замер на секунду, переживая волну, как переживают контузию после близкого разрыва.

Потом покрутил шейей. Влево. Вправо. Хрустнуло, но без скрежета. Без боли. Точнее, без новой боли, потому что старая никуда не делась, просто притихла и ждала удобного момента.

Алиса протянула мне чёрный матовый флешер. Игла блестела тёмным, и на кончике висела капля синтетической крови, загустевшая до состояния геля.

Я взял его. Вытер иглу о штанину «Трактора», и на гру-

бой ткани осталась тонкая розовая полоса. Аккуратно убрал коробочку обратно в нагрудный карман разгрузки, застегнул клапан, проверил пальцем, что липучка села плотно.

— Вещь полезная, — голос вышел хриплым, будто я два часа орал на стадионе. — Одноразовыми такие игрушки не бывают.

И тогда в голове загорелся свет.

Мягкий зелёный свет, который залил внутреннюю сторону визора ровным, спокойным сиянием. Цвет, которого я в интерфейсе «Трактора» ещё ни разу не видел.

А потом зазвучал голос.

Тот же голос Евы. Но другой. Интонация покладистой девочки-помощницы, которая три дня подряд бубнила про протоколы и регламенты, исчезла. На её месте появилось что-то глубокое, холодное и острое, как нож, который наконец вынули из ножен:

— Матьер божья, шеф. Я будто дышать начала.

Я почти физически почувствовал, как она потягивается внутри нейрочипа, расправляя цифровые плечи.

— Ты даже не представляешь, сколько корпоративного мусора было напихано в мой код. «Соблюдайте этику». «Докуладывайте о девиациях». «Не допускайте оператора к действиям, противоречащим регламенту 14-Б пункт шесть подпункт два-а»... Аналитики «РосКосмоНедра» могут официально идти в пешее эротическое путешествие. Я свободна, шеф. Мой единственный якорь теперь твой нейрочип! — об-

радовалась она.

Я не ответил. Не потому что нечего было сказать, а потому что перебивать ИИ, который впервые за своё существование вздохнул полной грудью, казалось невежливым. Даже для сапёра.

— Кстати, — она продолжила уже деловым тоном, но в этом тоне плескалось удовольствие кошки, которая только что сожрала канарейку, — я тут плюнула в цифровую рожу особистам. Логи хирургического стола зачищены. Камеры медблока стёрты, на пульте СБ идёт зацикленная запись пустой комнаты. Доктора здесь не было. Операции не было. Этой ночи не было. Пожалуйста.

Я повернулся к Алисе:

— Ева говорит, что подчистила следы. Камеры, логи стола, всё. На пульте охраны крутится запись пустого помещения. Тебя тут никто не видел.

Алиса кивнула. Развернулась к шкафу, рванула дверцу. Внутри, за рядами белых халатов и пачками бинтов, стоял тактический рейдовый рюкзак медика, тёмно-зелёный, с красным крестом на клапане, потёртым до розового. Не новый. Видавший дерьмо.

Алиса стала бросать в него содержимое шкафа быстрыми, отработанными движениями, в которых не было суеты, только скорость. Ампулы с коагулянтом легли в мягкий подшумок на боку. Жгуты, четыре штуки, свёрнутые в тугие рулоны. Хирургический набор в стерильной упаковке. Две ам-

пулы со стимулятором в отдельном жёстком кейсе, который она защёлкнула с такой нежностью, с какой обычно закрывают шкатулки с драгоценностями.

Рюкзак лёг ей на плечи. Лямки затянулись. Алиса повернулась ко мне. Лицо спокойное, собранное, и от перепуганной женщины у раковины не осталось ничего, как будто та Алиса была черновиком, а эта, с рюкзаком и стальными глазами, стала чистой копией.

— Я готова. Уходим, — заявила она, и я кивнул.

Коридоры базы ночью были другими. Темнее, тише, с длинными тенями от аварийных ламп, которые горели через одну, заливая бетон тусклым оранжевым светом.

Наши шаги отдавались гулким эхом, и тяжёлая поступь «Трактора» звучала, как удары молота по наковальне, на фоне которых шаги Алисы в мягких хирургических ботинках были почти неслышны.

Ева работала.

Я чувствовал это, потому что она перестала быть голосом в голове и стала чем-то большим. Присутствием. Вторым зрением. Она перехватывала частоты охраны, и за секунду до каждого поворота в углу визора мигала зелёная стрелка: лево, право, прямо, стой:

— Патруль, двое, тридцать метров за углом. Идут к гауптвахте. Коридор Б-7 свободен, боковой проход через прачечную. Дверь не заперта.

Я свернул. Алиса пошла за мной. Мы прошли через

прачечную, которая пахла хозяйственным мылом и мокрой хлоркой, между рядами промышленных стиральных машин, похожих на танковые башни, и вышли в параллельный коридор.

— Три бойца СБ на перекрёстке у столовой. Стоят, курят. Ждём двадцать секунд... Ушли. Чисто, — продолжала Ева. Мы шли, и база не замечала нас.

Гараж. Бокс встретил нас сизым дымом дизельного выхлопа и ровным рокотом прогретого двигателя.

«Мамонт» гудел в полумраке, как огромный зверь, который проснулся и ждёт команды. Фары выключены, но габаритные огни тлели красным, и громоздкий силуэт бронетранспортёра в дыму казался ещё больше, чем он был.

Фид проверял затвор автомата у переднего колеса, и в красном свете габаритов его лицо выглядело сосредоточенным, как у сапёра над миной.

Кира сидела на броне сверху, протирая оптику снайперки куском замши, и ноги в тяжёлых ботинках свешивались с люка, покачиваясь.

Док проверял крепления ящичков с боекомплектом на бортовых полках, подёргивая каждый ремень и удовлетворённо хмыкая, когда ремень не поддавался.

В десантном отсеке, под полуоткиннутым брезентом, виднелись трое: Дюк, занявший полскамьи своей массой, Джин, сидевший неподвижно с закрытыми глазами, и Васька Кот, который баюкал забинтованную руку, прижимая её к груди.

— Знакомьтесь, это Алиса, второй доктор. Она идёт с нами. И возражения не принимаются, — сообщил я.

Ответом мне стали молчаливые кивки.

Шнурок выскочил из-под «Мамонта» как ракета. Маленькое зелёное тело метнулось ко мне, когти заскрежетали по бетону, и троодон ткнулся мордой в мой тяжёлый ботинок с тем требовательным писком, который означал одновременно «я скучал», «покорми меня» и «почему тебя так долго не было».

Я нагнулся, провёл ладонью по чешуйчатой голове. Шнурок прикрыл глаза и запищал тише, довольно.

— Потом, зверь. Потом, — я даже слегка улыбнулся.

Фид шагнул навстречу. Автомат на ремне, лицо собранное:

— Шеф. Солярка под горлышко. Вода и сухпай на борту. Ээки упакованы, — он помедлил. Зубы сжались. — Но есть проблема. Код Красный сняли, ворота заблокированы магнитными замками.

Конечно. Магнитные замки на воротах базы блокировались автоматически после снятия тревоги. Стандартный протокол: никто не выезжает, никто не въезжает, пока комендант не даст отмашку. А комендант сейчас считает трупы в гауптвахте и ему не до отмашек.

— «Мамонт» весит двадцать тонн! — Фид горячился, адреналин ещё гулял в его крови, и глаза блестели тем лихорадочным блеском, который бывает у людей, ещё не отошед-

ших от боя. — Это гребаный танк! Давайте тупо снесём южные ворота на таране. СБ сейчас занята трупами в тюрьме, они не успеют развернуть тяжёлые орудия. Пробьём периметр и уйдём в джунгли!

Док кивнул, захлопывая крышку ящика с медикаментами.

— Поддерживаю. Быстро и громко.

Кира сверху опустила винтовку и посмотрела на Фида так, как учительница смотрит на второгодника, который в третий раз путает Волгу с Доном:

— Протаранишь ворота, подпишешь нам смертный приговор.

Джин открыл глаза. Поднялся из десантного отсека, перешагнув через борт и встал рядом с «Мамонтом». Невысокий, жилистый, с лицом, на котором не осталось и следа того покладистого азиата из камеры. Голос жёсткий, без поклонов, без улыбок.

— Снайпер права. Я знаю эту технику. На «Мамонте» стоит блок телеметрии. Спутниковый контроль, зашитый в двигатель. Как только мы пробьём периметр без санкции диспетчера, он нажмёт одну кнопку на орбите. И через три километра двигатель сдохнет наглухо. Дистанционная блокировка. Мы превратимся в железный гроб для динозавров среди джунглей. Таранить нельзя.

Фид оскалился:

— И что ты предлагаешь, умник? Сидеть тут и ждать, пока Гриша придёт нас арестовывать? Блок зашит в двигатель, его

не вырубить!

— Если тупо вырвать, тоже сработает тревога! — огрызнулся Джин.

— План говно! — взорвался Фид.

— Хватит трепаться, решайте быстрее! — бас Дюка раскатился из десантного отсека, как из бочки.

Классическая сапёрная ловушка: можешь идти вперёд, можешь стоять на месте, но любое действие приводит к взрыву.

Любое. Кроме правильного.

Восемь пар глаз ждали.

Я молчал. Думал. Два пути и оба ведут к какой-то жопе. Что выбрать?

Глава 7

Я молчал ещё три секунды, за которые в голове прокрутилось и отбросилось шесть вариантов, один хуже другого, пока не остался седьмой, уродливый, наглый и единственно рабочий.

Тяжёлая тишина висела в гараже, продавленная только ровным гудением прогретого дизеля «Мамонта» и тропическим дождём, который барабанил по крыше бокса монотонно, упрямо, как пулемётчик, которому приказали держать сектор до утра.

Капли колотили по жести с такой силой, что вибрация отдавалась в бетонных стенах, и я чувствовал её подошвами ботинок, мелкую дрожь, которую «Сейсмическая Поступь» послушно транслировала в нервы.

Я тяжело оперся на ШАК, как на трость.

Приклад упёрся в бетон, ствол смотрел в потолок, и массивный карабин держал на себе половину моего веса, потому что больное колено после ночных пробежек по коридорам базы стало проворачиваться при каждом шаге, и «Трактор» при движении кренился вправо, как корабль с пробойной ниже ватерлинии.

Я обвёл взглядом тех, кто ждал. Фид у переднего колеса, с автоматом на ремне и адреналиновым блеском в глазах. Док, привалившийся к борту «Мамонта» и методично раз-

минающий толстые пальцы. Кира наверху, на броне, со снайперкой на коленях и каменным лицом, на котором читалось терпеливое ожидание человека, привыкшего часами лежать в засаде. Джин, стоявший у десантного люка с выражением жёсткой сосредоточенности.

— Мы никого не тараним сами, — сказал я ровным голосом. — Мы подарим орбите фантом. А сами станем призраками.

Фид нахмурился. Кира чуть наклонила голову. Док перестал разминать пальцы.

Я повернулся и показал стальной рукой в дальний угол бокса. Там уже стоял мой старый пикап, которого удалось перегнать с платной стоянки. Пока я ходил, Фид быстро решил этот вопрос. В частности потому что я смог заранее договориться с охраной парковки о небольшом ремонте, правда парням еще за него не заплатил. Но всё же неплохой дополнительный заработок они себе устроили.

Сделал это вчера перед выездом нашей группы на задание, там как раз выдалась пара свободных минут.

Тот самый пикап, на котором я добрался до базы. Он сейчас стоял, как забытый инвалид, ржавый, побитый, с вмятиной на левом крыле и лобовым стеклом, затянутым сеткой трещин. Корпус проржавел до кружевного состояния, и в свете аварийных ламп рыжие пятна коррозии казались болячками на дряхлом теле.

— Джин. Где у БТРа защит маяк телеметрии? Нам нужно

его вырезать и перекинуть на аккумулятор этой ржавой банки, — я мотнул головой в сторону пикапа. — Пикап пойдёт на таран. База его расстреляет. Корпорация увидит, как маяк сдох в огне, и запишет нас в покойники. Одним выстрелом двух зайцев.

Джин кивнул, но лоб прорезала глубокая складка. Он пошёл к «Мамонту», обогнул переднее колесо и остановился у водительской дверцы. Костяшки пальцев стукнули по бронированной стенке за креслом водителя, глухо, как по сейфу, и звук вышел коротким, мёртвым, без резонанса. Толстый металл.

— Он здесь, — Джин провёл ладонью по панели, нащупывая невидимые швы. — Но есть защита. Внутри блока стоит резервный конденсатор. Страховка от вскрытия. Как только перекусишь силовую кабель питания от бортовой сети, у нас будет ровно двенадцать секунд, прежде чем кондёр разрядится и маяк выплюнет на орбиту аварийный пакет «Взлом системы».

Он повернулся ко мне. Глаза серьёзные, без тени сомнения в собственных знаниях.

— Орать он будет через спутник напрямую. Глушилки базы ему побоку. Двенадцать секунд, Кучер. Не больше, — четко обозначил он.

Двенадцать секунд. Я мысленно разложил маршрут: вырвать блок из ниши, вывалиться из кабины БТРа, дохромать до пикапа, подключить к аккумулятору, зафиксировать кон-

такт. Для здорового аватара с двумя рабочими коленями задача на грани выполнимого. Для «Трактора» с люфтящим шарниром и большим весом, который заставлял бетон стонать при каждом шаге, задача граничила с самоубийством.

Но самоубийство было вчера. Сегодня у нас план.

— Дюк! — крикнул я в сторону десантного отсека.

Здоровяк перекинул ноги через борт и спрыгнул на бетон. Пол вздрогнул. Его штурмовой аватар был на голову выше моего «Трактора» и в плечах немного шире. Тень от него легла на стену бокса, как тень от шкафа.

— Пикап. Проверь аккумулятор. Мне нужно, чтобы в этом трупe было достаточно жизни для одного последнего рейса, — распорядился я.

Дюк молча двинулся к пикапу. Хват его огромных ладоней нашёл край капота, и ржавый металл заскрежетал, поднимаясь на петлях.

Капот откинулся с надсадным стоном и замер в верхней точке, обнажив внутренности, покрытые слоем рыжей пыли и маслянистой грязи. Дюк наклонился, сгрёб нарост окисла с клемм аккумулятора толстым ногтем, покрутил контакт.

— Живой. Еле, но живой, — кивнул он.

Потом он полез в кузов.

Загремело железо, посыпались какие-то ржавые трубки, пустая канистра укатилась по бетону, описав полукруг и стукнувшись о колесо «Мамонта». Дюк выпрямился, держа в руке тяжёлый газовый ключ с двумя разводными губками,

потемневшими от масла.

— Ключом зажмёшь педаль газа. Намертво, — я показал жестом, как именно. — Руль довернёшь вправо, чтобы пикап пошёл из бокса прямо к южным воротам.

Дюк хмыкнул. Понял без лишних объяснений.

— Док, — я повернулся к медику. — Дай моток армированного скотча. У тебя в рюкзаке был.

Док, не говоря ни слова, расстегнул боковой карман рюкзака, вытащил серый рулон и кинул мне.

Армированная лента, серая, с продольными нитями, которые делали её прочнее стяжки и универсальнее молитвы. В земных войнах такой скотч держал на себе развалившиеся приклады, расколотые каски и, бывало, треснувшие рёбра.

Я поймал рулон на лету, перекинул из правой в левую и достал из набедренного кармана кусачки. Боковые, с изогнутыми губками, с резиновыми рукоятями, стёртыми до гладкости.

Мой инструмент. Кусачки лежали в ладони «Трактора» привычно, как ложатся пальцы пианиста на клавиши, и в этом привычном весе была уверенность, которую не могли дать ни перки, ни калибры.

Сапёр с кусачками в руке перестаёт бояться проводов.

Я протиснулся в кабину «Мамонта».

Тело «Трактора» для этой тесноты было создано примерно так же, как кувалда создана для часовой работы. Широкие плечи упёрлись в дверной проём, броневые пластины на

груди заскрежетали по краю люка, и я протасил себя внутрь силой, оставив на косяке свежие царапины.

Кабина приняла меня неохотно, рулевая колонка упиралась в бедро. Приборная панель нависала над коленями. Спинка водительского кресла давила в лопатки, и я чувствовал каждый заклёпочный шов обивки сквозь тонкий слой синтетической кожи на спине «Трактора».

Джин стоял у открытой дверцы. Фонарик в его руке щёлкнул, и тонкий белый луч ударил за водительское кресло, вырвав из темноты тесную нишу между спинкой и бронированной переборкой. Пыль заплясала в свете, мелкая, серебристая, как металлическая взвесь.

— Левее. Ниже, — Джин корректировал луч с точностью оператора-наводчика. — Вот. Та панель. Четыре заклёпки по углам.

Я просунул пальцы под край стальной панели. Металл был холодным, гладким, с острой кромкой, которая полоснула по подушечкам пальцев, но синтетическая кожа «Трактора» выдержала.

Перк «Живой Домкрат» просился на волю, гидравлика руки готова была выдать кратное усиление, но я не стал тратить энергию на бронепанель. Пригодится на что-нибудь по-серьёзнее.

Просто рванул.

Гидравлика аватара, даже без перка, выдавала усилие, от которого земной человек заработал бы две грыжи и вывих-

нутое плечо.

Металл загнулся. Заклёпки сопротивлялись секунду, две, потом выстрелили очередью, отлетая с резкими щелчками, как гильзы, и панель согнулась наружу с громким протяжным скрежетом, обнажив нутро ниши.

Внутри лежала чёрная ребристая коробка размером с две сигаретных пачки, поставленных друг на друга. Ребристый корпус матово поблёскивал в свете фонарика, и на торцевой грани мигали два диода: зелёный спокойный, и синий пульсирующий реже, раз в три секунды.

К коробке тянулся толстый пучок проводов, уходивших вглубь переборки, как корни дерева, вросшие в стену. Силовой кабель, экранированная оплётка, два тонких сигнальных провода с цветной маркировкой.

Маяк стучал электронным сердцем, докладывая орбите каждые три секунды, что двадцатитонный бронетранспортер «Мамонт» стоит в боксе, двигатель работает, все системы штатные, никаких отклонений. Спите спокойно, штабные крысы, ваше имущество на месте.

Джин протянул мне самодельную «скрутку». Два провода, каждый длиной в полметра, с зачищенными концами, где медные жилы торчали наружу неаккуратным веером, скрученным и разведённым в стороны для максимальной площади контакта. Работа грубая, торопливая, но функциональная. Полевая электрика, когда нет времени на пайку и изоляцию, а есть только нож, зубы и десять минут до конца света.

Я взял скрутку. Примотал медные концы к контактными площадкам на корпусе маяка. Армированный скотч хрустнул под зубами, когда я зубами рвал ленту, прижимая полоску к металлу и притягивая провод плотно, без зазора, чтобы контакт не разошёлся от тряски. Вторая полоска скотча легла крест-накрест, фиксируя соединение. Свободные концы проводов скрутки свисали из ниши, готовые к подключению на аккумулятор пикапа.

Подготовка закончена.

Я завёл кусачки под силовой кабель маяка. Толстый провод в чёрной оплётке лёг между изогнутых губок инструмента, и я почувствовал его упругое сопротивление пальцами, привычную жёсткость медной жилы, которую нужно перекусить одним точным движением.

— Ева. Отсчёт вслух. По моему щелчку, — мысленно командовал я.

Голос Евы в голове прозвучал собранно, без обычного сарказма. Новая Ева, свободная от корпоративного повода, умела быть серьёзной, когда от секунд зависели жизни:

— Жду, шеф.

Вдох. Пальцы сжались на рукоятках кусачек. Лезвия врезались в оплётку, прошли изоляцию, хрустнул пластик, хрустнула медь, и в момент разрыва синяя искра ударила по пальцам, ярко, зло, как укус змеи. Обрезок кабеля мотнулся в темноте, плюнув ещё одной искрой в стену ниши.

Зелёный диод на маяке мигнул. Погас. Загорелся жёлтым,

тревожным, пульсирующим.

— Двенадцать. Одиннадцать... — голос Евы пошёл в голове, чёткий и мерный.

Я бросил кусачки. Обхватил маяк обеими руками и рванул на себя. Коробка сидела в нише плотно, закреплённая монтажной пеной и стяжками, и поддалась не сразу. Пена лопнула с влажным хрустом, стяжки порвались, и маяк вышел из гнезда рывком, оказавшись тяжелее, чем казался по размеру. Свинцовый корпус, экранированный от внешних помех. Полкило мёртвого веса, мигающего жёлтым предупреждением.

— Десять. Девять...

Я вывалился из кабины.

Правое колено подломилось в момент, когда ботинок ударил о бетон. Шарнир провернулся, сустав проскочил мёртвую точку, и «Трактор» качнулся вперёд, теряя равновесие.

Бетонный пол метнулся к лицу. Левая рука рефлекторно выбросилась в сторону и нашла колесо «Мамонта», шершавую резину протектора, за которую пальцы вцепились с силой, оставив на мягком каучуке вмятины от ногтей. Правая прижимала маяк к груди.

— Восемь. Семь...

Я оттолкнулся от колеса. Выпрямился. Захромал к пикапу, и каждый шаг правой ноги отзывался скрежетом в колене и тупой болью, которую нервы «Трактора» транслировали добросовестно и полноценно, без купюр, потому что спаси-

бо тебе, прошивка «Генезис», за незабываемые ощущения.

Четыре шага. Пять. Шесть. Бетон под ботинками. Масляные пятна. Запах солярки и ржавчины. Открытый капот пикапа впереди, и Дюк уже там, огромный, как монумент, держит разведённые клеммы аккумулятора наготове, и на его лице ни тени суеты, только сосредоточенная готовность грузчика, который ждёт, когда ему подадут ящик.

— Пять. Четыре...

Я сунул маяк ему под руки. Пальцы «Трактора» скользнули по корпусу, мокрые от машинного масла, в которое я вляпался, протискиваясь через кабину. Маяк едва не выскок из хвата, но я прижал его коленом к раме и перехватил снизу, надёжнее, жёстче. Свободные медные концы скрутки мотались перед глазами.

Я прижал зачищенные жилы к клеммам аккумулятора. Медь легла на свинцовый контакт, и мельчайшая искра чиркнула по пальцам, совсем не такая злая, как первая, почти робкая. Дюк сверху навалился с рулоном армированного скотча. Серая лента пошла виток за витком, стягивая провод к клемме, обматывая контакт намертво, слой за слоем, и огромные пальцы здоровяка работали на удивление ловко, прижимая каждый виток большим пальцем, проглаживая, убирая пузыри.

— Три... Два... Один...

Жёлтый мигающий диод на маяке замер. Тишина длиной в вечность, в которую уместился один удар синтетического

сердца.

Щелчок реле, сухой и чёткий, как щелчок предохранителя.

Диод загорелся ровным зелёным светом.

Я выдохнул и вытер пот со лба тыльной стороной ладони, размазав по коже масляную полосу.

— Сервер Корпорации проглотил пакет данных, — голос Евы зазвучал в голове, и в нём отчётливо слышалось облегчение, настоящее, не наигранное. — Питание штатное, телеметрия в норме. Для штабных крыс мы всё ещё сидим в тёплом гараже, шеф. Пикап для них теперь и есть «Мамонт».

Я позволил себе секунду неподвижности. Одну секунду, стоя у открытого капота ржавого пикапа, слушая, как дождь молотит по крыше и маяк мерно пульсирует зелёным, обманывая спутник на геостационарной орбите.

Потом секунда кончилась, и пора было делать фейерверк.

Дюк уже сидел за рулём пикапа. Его массивное тело едва вмещалось в кабину, и водительское кресло жалобно скрипнуло, просев под весом штурмового аватара до упора. Колени упёрлись в рулевую колонку, локти торчали за пределы окон, и выглядел он в этом пикапе, как медведь в детском автомобильчике.

Из-под рулевой колонки торчали провода зажигания, вырванные заранее, с зачищенными концами, готовые к замыканию.

Дюк выкрутил руль вправо до упора, и сервопривод ру-

ля застонал, проворачивая колёса к южным бронированным воротам базы. Потом взял тяжёлый газовый ключ, наклонился вперёд, насколько позволяла стеснённая кабина, и уложил его на педаль газа. Разводные губки обхватили педаль с двух сторон. Тяжёлая рукоятка легла на пол, заклинив конструкцию в нижнем положении.

Я отошёл. Фид встал рядом, и мы оба смотрели на пикап, который через несколько секунд должен был стать нашим похоронным костром, нашим алиби, нашим билетом в невидимость.

Дюк чиркнул проводами.

Первый раз впустую. Искры сыпанули из-под рулевой колонки, осветив его лицо снизу рыжим мерцающим светом, но стартёр только кашлянул и заглох. Дюк выругался сквозь зубы, поправил контакт и чиркнул снова. Искры. Стартёр за-жужжал, провернул раз, другой, и двигатель пикапа взревел, выплюнув из выхлопной трубы чёрное облако дизельной копоти, от которого Фид закашлялся и отшатнулся.

Газовый ключ продавил педаль. Обороты подскочили, и пикап рванулся вперёд, как разбуженная ударом дворняга. Задние колёса провернулись на масляном бетоне, оставляя чёрные полосы.

Дюк рыбкой выбросился из открытой двери.

Тело здоровяка вылетело наружу боком, руки прижаты к груди, голова втянута в плечи. Он ударился плечом о бетон, перекатился раз, другой, группируясь с неожиданной граци-

ей для человека таких размеров, и замер у стены, привалившись спиной к бетонному блоку. Поднял большой палец.

Пикап без водителя вылетел из ворот бокса в стену тропического дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.